

Земля Недостижимая

Посвящается узникам концлагерей,. пострадавшим во время Второй мировой войны

Пролог. Опасное веселье в бараке № 99

Хотелось бы начать это повествование, как начинали древние летописцы: «*Лета Господнего* такого-то...», но не могу, ибо время, когда случилось то, о чем я буду рассказывать, никак нельзя называть *летом Господним*, разве что Господь Бог, как и всегда, позволял Солнцу светить добрым и злым и давал дождь праведным и неправедным Другими словами, это было лето человеческое, а не Божье. Ибо Господом попущено было грешным людям творить волю свою, а не волю Божью. Напрасно миллионы христиан утром и вечером читали *Отче наш* и говорили Богу: *Да будет воля Твоя, яко на небеси* (между ангелами) *и на земли* (между людьми). Воплощалась лишь воля человеческая, творились только дела человеческие, осуществлялись лишь планы людские, прославлялись только люди, которые уничтожали, убивали, разрушали, грабили, ненавидели – все ради счастья человеческого, помимо Бога и против воли Божьей.

Поэтому стыдно начинать, как начинали древние летописцы: «*Лета Господнего...*», чтобы не сваливать на праведного Господа ответственность за все несправедливости дел и рук человеческих, совершенных в то лето. Будет лучше начать так:

Лета человеческого 1944-го, месяца июля, на вождя немецкого народа Адольфа Гитлера было совершено покушение со стороны немецких генералов, среди которых было несколько знаменитых полководцев. В первом сообщении об этом покушении говорилось, что Гитлер убит. Это вызвало великую радость по всему свету, кроме стран Оси Берлин – Рим – Токио. Достигли эти вести и концентрационных лагерей в Германии, в которых томились в рабстве миллионы узников, представителей всех наций на свете, надеясь на скорое освобождение и возвращение домой. Гитлер намеренно взращивал высокомерное презрение немцев ко всем народам, чем, естественно, вызвал в ответ ненависть всех народов к немцам.

Весть о смерти Гитлера достигла и концлагеря, который в сербском переводе назывался *Еловый лес*, и радость узников, томящихся по баракам, была так велика, что ее не удалось скрыть. Радость эта выразилась бурным ликованием заключенных в бараке № 99.

Однако Гитлер остался жив, и пронесшиеся слухи были опровергнуты. Вскоре поступило указание *ликвидировать* всех, кто хоть каким-то образом выражал свою радость по поводу будто бы успешного покушения на жизнь Фюрера. Комендантам всех концлагерей было

приказано умертвить, как «мятежников», всех тех, кто одобрил покушение на всемогущего вождя Рейха. И приказ этот был выполнен, то есть по всем лагерям была проведена кровавая «чистка». В течение нескольких дней после полуночи ночную тишину разрывали прощальные пулеметные очереди, которыми люди вершили жуткую волю свою, а не благу волю Божию.

В бараке № 99 были, в основном, сербы, но вместе с ними временно находились несколько американцев, индийцев, негров, русских, норвежцев и поляков. Старшим по бараку был серб, капитан запаса Спас Спасович, до войны учитель истории в какой-то гимназии.

А начальником лагеря был доктор Иоган Адлер, полковник запаса и преподаватель истории в университете. Доктор Адлер очень ценил Спаса Спасовича за его знания, а еще больше за его редкостную порядочность и скромность.

Однако приказ есть приказ. Комендант лагеря должен был ликвидировать многих «бунтовщиков», и прежде всего узников из барака № 99.

Доктор Адлер был лютеранин и пуритански ценил истину и порядочность выше всех схоластических полуистин и этических адвокатур. Зная Спаса как человека настоящего и порядочного, он хотел его во что бы то ни стало спасти и не допустить, чтобы кровь этого праведника пала на него и на его детей.

Однако Адлер был в то же время убежденный национал-социалист и верный сторонник Гитлера, когда дело касалось внутренних социальных реформ. Его вопрос: как же все-таки спасти Спаса, старшего по самому мятежному бараку?

После бессонной ночи комендант обратился в соответствующие органы с просьбой дать ему срок семь дней, чтобы провести расследование. Разрешение было получено. Однако в дивизии было несколько завистников, которые недолюбливали Адлера из-за симпатий к нему Гитлера. Поэтому к нему направили одного сурового гестаповца, оберштурмбанфюрера, чтобы контролировать, как он ведет суд над «бунтовщиками», и в дальнейшем осудить за мягкость и снисходительность.

И вот началось судебное расследование мятежа узников из барака № 99, и в первую очередь предстал перед судом старший по бараку капитан Спас Спасович.

Первая ночь суда. Ночь с воскресенья на понедельник

Доктор Адлер созвал лагерный военный суд, пригласил представителя Тайной государственной полиции (который, по правде говоря, сам напросился) и открыл судебное заседание по делу старшего по бараку № 99.

- Как тебя зовут?
- Спас Спасович.
- Что значит это имя?
- Оно означает Иисус Иисусович.
- А не еврейское ли это имя?
- Когда-то было еврейское, а теперь христианское.
- Кто ты по национальности и какой веры?
- Я серб православного вероисповедания.
- Образование у тебя университетское?
- Да.
- В какой области науки ты специалист?
- Я богослов и историк.
- Почему же в двух, а не в одной?
- Я считаю, что эти две науки неразделимы, одна без другой не имеет

смысла.

- Членом какой политической партии являешься?
- Никакой.
- Почему?
- Потому, что убежден: любая политическая партия обещает больше, чем может дать, и поэтому ведет народ в *Землю недоступимую*.
- Что это за страна такая?
- *Земля недоступимая* – это своего рода рай земной для избранного народа, призрачная страна счастья, которую политические вожди всегда обещают народу но, покуда не умрут, никогда не увидят.

– Думаешь ли ты так же и о политических партиях и теориях всей Европы?

- Да, во всей Европе все партии сейчас такие же.
- И о коммунистах?
- Конечно.
- И о национал-социализме?
- Да.
- Еще раз: ты считаешь, что наша немецкая национал-

социалистическая партия ведет немецкий народ в призрачную *Землю недостижимую*, откуда нет возврата?

– Совершенно верно.

– Может, это в тебе говорит ненависть к немцам?

– Если бы я судил немцев по их преступлениям против моего народа, моя ненависть была бы оправданна. Однако я знал и других немцев, поэтому у меня нет ненависти к немецкому народу вообще.

Услышав это, гестаповец стукнул кулаком по столу и воскликнул:

– Господин председатель, расстреляйте его немедленно и не теряйте время! Доктор Адлер дотронулся до его руки и спокойно сказал:

– Будьте терпеливы, у нас в распоряжении целых семь дней. Он, как старший по бараку, должен отвечать больше всех, поэтому мы должны задержаться на нем дольше других. – Потом он повернулся к узнику и довольно резко сказал: – Полегче, Спасович, думай, что говоришь. Голова твоя на ниточке висит.

– Нет, господин полковник. Я вижу, что моя голова не на ниточке висит, а я держу ее, отсеченную, в своих руках, как святой Иоанн на иконе.

Перекрестный допрос был продолжен.

Первый судья: Для Сербии война закончилась в 1941 году, почему же ты сразу же не сдался, но, как бунтовщик, подался в горы?

Спас: Война и сегодня не закончена. А я и в регулярной армии, как офицер, и в горах, как «бунтовщик», как вы меня называете, был одним и тем же – сербским солдатом против немецких солдат.

Первый судья: Кто заставил тебя уйти в горы?

Спас: Немцы.

Гестаповец: Как это?

Спас: А вот как. В сорок первом я видел, как немцы расстреляли три тысячи невинных сербов за 30 немцев, которых патриоты генерала Драже Михайловича убили в стычке на дороге Крагуевац – Горни Милановац. Я содрогнулся от такой бесчеловечности и ушел в горы, чтобы, живя со зверями, защищать свой народ и погибнуть в честной борьбе за Честной Крест. Я поступил по примеру моих крестоносных предков, из которых один говорил княгине Милице: «Мы идем с братьями на поле Косово за крест честной погибнуть».

Второй судья: А разве наш Вождь не пошел на Россию в крестовый поход против безбожников?

Спас: Да, пошел, но не во имя Честного Креста, а во имя свастики – сломанного нехристианского креста, который этически стоит даже ниже, чем полумесяц. Из-за этого никто в Европе не отозвался на его призыв

отправиться в так называемый «крестовый поход».

– Это неправда! – крикнул гестаповец и со всей силы грохнул кулаком по столу. – Это ложь, что никто не отозвался. Многие отозвались.

Спас: Никто не отозвался по совести и доброй воле, но присоединились или из страха, или с расчетом на материальную выгоду. Поэтому те, что отозвались, были скорее обузой для немецкой армии, чем помощниками. Разве не так? – Правильно! – решился воскликнуть один из нижних чинов.

Гестаповец посмотрел на него убийственным взглядом, и тот испуганно опустил голову и проглотил язык.

Последовало много других вопросов, после чего явился один из следователей, который делал обыск в бараке № 99, и показал связку листов бумаги.

– Эту рукопись, господа, я нашел в соломенном тюфяке капитана Спасовича. Кладу ее на всеобщее обозрение. Написана сербской кириллицей, но так непонятно и сокращенно, что никто из наших переводчиков не смог прочитать. Будто зашифровано.

Председатель: Это твой дневник, Спасович?

Спас: Нет, не дневник, господин полковник, а так, некоторые мои мысли и наблюдения общей природы.

Председатель: Ты должен переписать его начисто, чтобы мы смогли понять, что это. Даю тебе два дня, понял?

Спас: Понял.

Затем Спаса отвели в одиночку. А когда дверь за Спасом закрылась, гестаповец крикнул:

– Расстрелять его сегодня же ночью! – Его нетрудно расстрелять, – ответил полковник Адлер, – он в наших руках. Приговор ему и всем остальным будет вынесен в следующую субботу. Однако без ведома доктора Адлера в ту ночь было расстреляно 25 узников из барака № 99.

Глава первая. Путники, странники и гости

В Священном Писании Божиим много раз говорится, что мы странники и гости на этом свете. Но даже если об этом и не было бы сказано в Священном Писании, каждый разумный человек вскоре понимает это. Размышляя о жизни на этом свете и посещая кладбища, и старые и новые, каждый разумный человек неминуемо доходит до осознания этого.

А как только он дойдет до осознания этого очевидного факта, разумный человек мучительно ищет ответы на три вопроса:

Если мы путники, то где цель нашего путешествия?

Если мы чужие на этом свете, то где наше отечество?

Если мы гости, то у кого мы в гостях? На Балканах, всегда и всюду, можно услышать ответы на эти три главных вопроса жизни. Причем ответы дают простые люди, самые простые мужчины и женщины, ибо привилегия простого христианского народа в том, что, не зная многого, он знает главное.

И поэтому на первый вопрос: «Если мы путники, то где цель нашего путешествия?», народ отвечает: Мы не от мира сего, но с того света. Или отвечает так: Мы от неба, а не от земли.

А на второй вопрос: «Если мы чужие на этом свете, то где наше отечество?», народ отвечает: Отечество наше там, где Отец наш. Или отвечает иначе: На этом свете мы чужаки, а на том мы дома.

И на третий вопрос: «Если мы гости, то у кого мы в гостях?», народ отвечает: Слава Богу, мы Его гости на земле.

Многочисленные массы народные на наших святых Балканах на протяжении веков и из поколения в поколение давали именно такие типичные ответы. Итак, *Мы не от мира сего, но с того света. Отечество наше там, где Отец наш. На этом свете мы чужаки, а на том мы дома. Слава Богу, мы Его гости на земле.*

В этих простых недвусмысленных ответах выражено наше позитивное понимание жизни. В этом целиком вся жизненная философия, которая никого не довела до разочарования и самоубийства. В ней из века в век легко сочетались и упорядочивались личная жизнь человека и общественная жизнь людей. Разочарование постоянно сопровождает тех, кто, стремясь возвыситься над людьми, попадают в тень людскую.

В первую очередь это материалисты и агностики, два типа людей, рассадник которых в Европе.

Материалисты отвечают на эти три вопроса по-своему.

На первый вопрос они дают такой ответ: Мы не согласны, что все мы на земле лишь путники, но считаем, что мы продукт земли, подобно личинкам и моллюскам. Земля нас создает и принимает. На земле все человеческое начинается и все заканчивается.

На второй вопрос они отвечают так: Мы не странники на земле, но хозяева и повелители. Земля наша единственная родина.

На третий вопрос они категорически заявляют: Мы не гости на этом свете, но хозяева. Если мы и гостим, то гостим сами у себя, на земле.

Материалисты, на основе своей теории, полагают, что душа человека – то же, что и ногти на руках. Куда идут отстриженные ногти, туда же и душа.

Агностики на эти вопросы отвечают по-своему:

На первый вопрос они отвечают так: Мы чувствуем, что мы путники, но не знаем ни начала нашего пути, ни цели нашего путешествия.

На второй вопрос они в сомнении отвечают: Мы замечаем, что мы странники на этом свете, но не знаем, где наше настоящее отечество.

На третий вопрос: Мы догадываемся, что мы чьи-то гости на земле, но не знаем, у кого мы в гостях.

Более тысячи лет назад христианская Европа знала, как ясно и правильно отвечать на эти вопросы. Поистине она отвечала яснее и логичнее, чем языческие Эллада, Египет, Персия или Индия, ибо она руководствовалась Логосом Божественным, который *сошел с неба*, чтобы правильной логикой небесной заменить ошибочную логику земную. И, кроме того:

– чтобы явиться на земле и объявить людям истину Своей Сущностью и в Своей Сущности; чтобы дать отдохнуть человечеству, уставшему от поисков истины в вещах и от поклонения вещам, ибо в чем люди видели истину, тому они и поклонялись, будь то вещи или личности;

– чтобы вывести разум человеческий из тени природы и направить его на поклонение истине в Сущности единого Бога;

– чтобы помочь людям отличать истину от символов истины, которыми являются вещи и факты; чтобы научить людей ценить и любить личность человека из-за Личности Творца, Который над миром и над всем в мире.

Так было в старой христианской Европе, где философы, ученые и властители были единокорны с массами простого крещеного народа в ответах на эти три вопроса и не обособлялись от народа.

Однако за последние несколько столетий народы Западной Европы

вовлеклись в ярые споры и лютую борьбу со своей Церковью или, вернее, со своей церковной иерархией. И в этой борьбе народы захлебнулись кровью больше, чем в войнах с гуннами и сарацинами. Ужасы братской крови затмили дотоле ясные духовные горизонты европейцев и отвратили многих умных, но озлобленных сынов Церкви от Божественного Логоса и от небесной правильной логики, вернув их к ошибочной земной логике языческих времен. И было все именно так, как в сильных выражениях описывал апостол Петр (2Пет.2:1–22). То есть, познав истину в едином личностном Боге, они повернулись к немощным стихиям мира и бессловесным предметам природы, чтобы спрашивать у них об истине, и, наконец, собрание всех вещей в природе провозгласили божеством. Ибо в чем они видели истину, тому и поклонялись.

Жесткие церковные иерархи и озлобленная интеллигенция превратили христианскую Европу в «жилище, разделенное в самом себе». Как можно жить в таком доме? Кровля и стены духовной Европы рухнули еще во времена ранних поколений, раскидав дрова в очаге. А на глазах нашего поколения, во время Первой мировой и Второй мировой войны (фактически, не мировой, а европейской) и фундамент лопнул.

Как страшно слово апостольское, сказанное о древних язычниках: *когда помыслили, что мудры, обезумели*. Еще страшнее пророчество одного святого и прозорливого человека о нео-язычниках: «Наступят времена, – предсказал Антоний Великий, – когда миром овладеет такое безумие, что сумасшедшие будут считать разумных безумными, а себя разумными».

Если бы европейские материалисты и идеалисты скрывали свое безумие в себе и держали бы свою беду при себе, они были бы малыми вредителями. Однако характерная особенность сумасшедших, охваченных манией величия, учить других, поэтому беда разрастается. Гонимые духом беспокойства, они навязываются обществу в учителя и вожди, принося народам большой вред.

Обычно искусные на перо и пламенные в речах, они очаровывают простой народ видениями некой *земли обетованной*, или рая на земле, которая манит их, как фата-Моргана в пустыне. Когда лжеучители достигают власти, волшебные видения призрачной страны счастья отдаляются, бледнеют и исчезают. И тогда грубая реальность пустыни еще страшнее печет и ранит. А разочарованные люди и народы проклинают болезненную мечту своих вождей, которая привела их не в *землю обетованную*, не в земной рай, но туда, откуда нет возврата, – в *Землю недостижимую*.

Вторая ночь суда. Ночь с понедельника на вторник

Два вооруженных охранника ввели Спаса в зал суда. Спас слегка кивнул судьям.

Председатель: Спас Спасович?

Спас: Я, господин полковник.

Председатель: Скажи-ка, есть ли у тебя храбрость говорить правду и тогда, когда это было бы опасно для твоей жизни?

Спас: Правда никогда не представляет опасности для жизни, лишь ложь опасна.

Председатель: Ты так думаешь?

Спас: Истина и жизнь неотделимы друг от друга, как глаза и зрение, по слову Того, Кто сказал: *Я есть истина и жизнь.*

– Ты имеешь в виду того Иисуса, еврея? – вскинулся гестаповец.

Спас: Я имею в виду, господин оберштурмбанфюрер, Господа Иисуса Христа, который был столько же евреем, сколько и немцем, и испанцем, и сербом, и американцем, и азиатом, и африканцем. Он называл себя «сыном человеческим», а не сыном еврейским.

– Ха-ха-ха! – злобно рассмеялся гестаповец. – Скажи еще и негром, и папуасом!

Спас: Да, и негром, и папуасом, и всеми остальными, чтобы всех спасти, как Мессия и Человеколюбец.

Гестаповец: Я считаю, что ты наносишь вред немецкой расе, когда называешь этого мечтателя немцем.

Спас: А я уверен, что большинство немецкого народа считают это не вредом, а великой честью.

Гестаповец: Мы, во главе с нашим гениальным Вождем, идем по пути излечения всего немецкого народа от этого векового заблуждения, и мы отвратим наш народ от мягкотелого Иисуса и вернем его к вере наших тевтонских предков в богов силы и стойкости, мужества и победы. Мы высшая раса, которая слишком долго была обманута сладостными мечтами этого еврейского Помазанника. Он отбросил нас назад и уравнил со слабаками и рабами. Сейчас мы нашли своего настоящего мессию и, вырвав свою судьбу из немощных рук еврейского пророка, отдали ее в железные руки нашего национального мессии, Адольфа Гитлера. Наша задача владеть мечом Зигфрида, а не рабски плакать перед крестом или с крестом. Понял?

Спас: Слова понимаю, но боюсь, не понимаю их смысл. Зачастую, не

меч, но именно слезы поворачивали судьбы людей к добру.

Гестаповец: Мы оставим вам, славянам, незавидную роль плакать вместе с плачевным Христом, прислуживая нам, более сильному народу, и батрача на нас. Всегда высшие расы господствовали над низшими. Это азбука мировой истории, которую ты, жалкий учительшка истории, еще не понял.

Спас: Я могу только удивляться вашему красноречию, господин оберштурмбанфюрер, но и огорчаться из-за такого вашего толкования истории. Не хотите ли вы сказать, что если какая-то жестокая банда, не связанная моральными законами, неожиданно нападет на один мирный культурный город, ограбит и разрушит его, а жителей перебьет или отведет в рабство, то это означает, что некая высшая раса стала полноправным властителем некой низшей расы?

Гестаповец: Например?

Спас: Например, когда дикие хикси или разнузданные мамелюки опустошили культурный Египет. Или когда кровожадный Тамерлан разорил христианскую Армению и цивилизованную Персию. Или когда свирепые сельджуки и османы погубили Малую Азию и Византию. Или, например...

– Или, например, – закричал разъяренный гестаповец, – когда «дикие германцы» поработили «высокообразованных» свинопасов-сербов, это ты хотел сказать, а?

Спас: Это вы сказали.

Гестаповец: А ты что говоришь, раб?

Спас: А я говорю, что мы, сербы, не сердимся, когда вы называете нас свинопасами, как и немцы не должны сердиться, когда мы называем их медниками или точильщиками. Мы выращивали свиней и отдавали их немцам за котлы и колеса. Ни то, ни другое занятие не имеют ничего общего с образованностью. И свинопасы, и медники могут быть или образованными, или необразованными.

Гестаповец: Так кто же, по-твоему, образованный человек?

Спас: Тот, кто носит образ Божий, лик Божий в своей душе и стыд на своем лице. О таком мы, сербы, говорим, что он образованный, порядочный человек.

Гестаповец: А кто, по-твоему, необразованный и непорядочный? (Гестаповец задал этот вопрос, но, не слушая Спаса, повернулся к сидевшему рядом офицеру и что-то стал говорить ему).

Спас: Необразованный – это такой человек, который изгнал образ, то есть лик Божий из своей души и румянец стыда с лица своего. Как,

например, когда медники нападут на землю свинопасов и, ценя свиней выше людей, отнимут у народа всех свиней, да еще и все котлы и все колеса, и отправят в свою страну.

Председатель (резко): Следи за своими словами, Спасович! Скажи по-другому, что ты хотел сказать.

Спас: Я хотел сказать, что Ранке и Гете лучше думали о сербах, чем господин оберштурмбанфюрер.

Гестаповец: Не важно, что древние немцы думали о вас и обо всех остальных. Они жили в зачарованном кругу ложной и унижающей религии. Важно, что наш победоносный Вождь совершил переворот в истории немецкого народа и в истории мира. Он переоценил все ценности и, отбросив грязь, выбрал золото. Он есть начало новой истории немцев. Он возвел немецкий народ на пьедестал господствующей нации, как и должно быть. Ты понял?

Спас: Любой вождь любого крещеного народа, который, отвергая Христа, хочет осчастливить свой народ, приведет свой народ не в счастливую землю обетованную, но в призрачную *Землю недостижимую*, откуда нет возврата. Это неминуемо и неизбежно.

Гестаповец побледнел от гнева и нацелил вальтер в грудь Спаса Спасовича, крича:

– Эта скотина оскорбляет нашего фюрера! Его надо судить вот как...

Тут доктор Адлер схватил его за руку, но пистолет выстрелил, пуля попала в окно, и стекло разлетелось вдребезги.

Председатель: Коллега, я не могу не удивляться, зачем вы задаете обвиняемому такие общие вопросы, по которым он имеет право думать что угодно? Зачем вы отдалаетесь от нашей темы? А тебе, Спасович, еще раз строго напоминаю, чтобы ты не смел больше оскорблять национальные чувства немцев. Давайте, господа следователи, вернемся к делу.

Следователь: Все заключенные из барака № 99 признают, что радовались в ту ночь, когда услышали о гибели Гитлера. Они утверждают, что старший по бараку Спасович радовался вместе с ними.

Председатель: Что ты можешь ответить на это, Спасович?

Спас: Действительно, все мы в ту ночь радовались, но не смерти Гитлера, а предчувствуя скорое возвращение на родину.

Следователь: Это просто казуистика.

Спас: Ничуть не бывало, господин следователь. Радость всех моих людей была естественна и незлобна. Тоска по родине и по своим семьям мучила их и иссушила больше, чем все беды лагерной жизни. Они

радовались той самой радостью, какой радовались бы, если бы пришел сам Гитлер и сказал: «Вы свободны, идите!» Они были бы одинаково благодарны и мертвому, и живому Гитлеру, только бы их отпустили на свободу.

Председатель: Это ты, Спасович, по своему обыкновению, хочешь оправдать своих людей, которых, знаю, любишь. Однако на судебном языке это называется ложью.

Спас: Говоря неправду, я лишь повредил бы самому себе, как если бы я украл или убил.

Следователь: Двадцать пять человек из барака № 99 попытались бежать сегодня ночью, но были схвачены и расстреляны. Если бы они считали себя такими невинными, как их представляет обвиняемый, они не убегали бы от праведного суда. Однако они бежали, потому что знали, что виноваты. Скорее всего и обвиняемый Спасович сделал бы попытку к бегству, если бы получил такую возможность.

Председатель (взволнованно): Я не верю, что Спасович попытался бы бежать, даже если бы со всех ворот был бы снят караул.

Следователь испытующе и недоумевающе взглянул на доктора Адлера.

Спас: Благодарю вас, господин полковник, что сказали обо мне правду. От судьбы не уйдешь. И мои друзья, если они и вправду пытались бежать, в чем я... поступили глупо. Но их поступок можно объяснить страхом за свою жизнь. Узнав, что старший по бараку схвачен и предан суду, они, естественно, испугались за себя.

Первый судья: Почему ты не воспрепятствовал дикому веселью в твоём бараке или не заявил об этом немецкому начальнику охраны?

Спас: Я не помешал общей радости и не заявил о веселье в бараке потому, что это было выражение тоски по Родине, а не мстительность. Веселье моих людей ни на политическую ситуацию не повлияло, ни судьбу немецкого народа не изменило, и не нанесло никому ни малейшего вреда. Поэтому я беру на себя смелость просить вас, господина судьи, как людей просвещенных, не придавать большого значения этому стихийному веселью и пощадить моих людей. Расстреляйте одного меня, но не потому, что я и вправду виноват, а чтобы вы освободились от своих сомнений. Для меня будет радость умереть ради друзей своих, а им будет радость остаться в живых. Своей смертью я ничего не теряю, а они и вы что-то приобретете – хотя бы иллюзию пользы.

Первый судья: Ты фантазируешь и плетешь чепуху. Если ты намеренно фантазируешь, мы тебя расстреляем, если ненамеренно,

отправим в сумасшедший дом.

Спас: Поступайте со мной так, как считаете нужным. А что касается фантазий и реальности, подумайте и решите, кто больший реалист: тот, кто видит Луну за триста тысяч километров над Землей, или тот, кто смотрит на ее отражение в луже у себя под ногами и видит, как она из воды смеется над тем, кто хочет ее рукой схватить?

И в эту ночь с понедельника на вторник было расстреляно 25 узников барака № 99.

Глава вторая. Этика и техника

Первоначально религия была матерью и этики, и техники. Первоначально религия была родником, бьющим ключом из потаенных глубин, этика – живоносной рекой, а техника – вспомогательными каналами, по которым вода из той реки подводилась ко всем местам жизни человеческой.

Господь даровал людям закон верования, закон обладания и знание техники. По непосредственному наставлению Божьему Ной соорудил ковчег, который совершил одно из самых длительных путешествий в истории мореходства.

По непосредственному вдохновению Божьему Веселеил был *исполнен Духом Божиим, мудростью, разумением, ведением и всяким искусством, работать из золота, серебра и меди, резать камни для вставливания и резать дерево для всякого дела (Исх. 31, 2–5).*

Точно так же и храм Соломона, одно из древнейших чудес света, воздвигли люди, вдохновленные Духом Божиим и наученные рукой Господней (3Цар. 6). Так свидетельствует Священное Писание.

Итак, Причиной истинной веры, доброго обладания и технического знания у людей был Господь. Покуда люди непрестанно ощущали присутствие Господа над собой, перед собой и рядом с собой, как они чувствуют воздух и свет, до тех пор они приписывали и посвящали все свои технические свершения и дела рук своих Господу, Творцу и Вдохновителю.

А когда ощущение присутствия Божьего притупилось и духовное зрение помутилось, тогда у мастеров и специалистов появилась гордыня, и они начали дела рук своих (и здания, и изделия кустарей, и изобретения) приписывать исключительно самим себе и – злоупотреблять этим. Так на технику надвинулась тень проклятия.

Многие жалуются на технику. Многие обвиняют современную технику во всех несчастьях на свете.

А виновата ли техника? Или виноваты те, которые создают технику и управляют ею?

Разве виноват деревянный крест, если кого-то распинают на нем? Или молоток, если им сосед соседу разобьет голову?

Техника бесчувственна к добру и злу. Одни и те же трубы можно использовать и для подведения родниковой воды, и для отведения нечистот из туалета. Зло происходит не от мертвой техники, но от

мертвых сердец людских.

При полном осознании присутствия Господа и без гордости соорудил Ной чудесный ковчег во спасение свое и нового человечества.

При помрачении сознания о Божьем присутствии горделивые люди договорились: «Давайте соорудим город и башню до небес и прославим свои имена».

Однако Господь посрамил их смешением языков и *рассеял их оттуда по всей земле; и они перестали строить город и башню. Посему дано ему имя Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле (Быт. 11, 8–9)*. Так строилась Вавилонская башня.

Когда Соломон завершил строительство величественного храма, он поднял руки к небу и смиренно взмолился: *Поистине, Богу ли жить на земле? Небо и небо небес не вмещают Тебя, тем менее сей храм, который я построил имени Твоему (3Цар. 7:27)*. И это чудесное здание простояло одиннадцать веков, но было разрушено и превратилось в прах и пепел тогда, когда безбожные потомки Соломона сделали дом молитвы домом торговли.

Следовательно, тот храм держался многие века не заслугой техники, и исчез с лица земли не из-за технических ошибок. Техника глуха, нема и не несет ответственности. Она полностью зависит от этики, а этика – от веры.

Всем известна повесть о царе Навуходоносоре. Он построил Вавилон с огромными дворцами и висящими садами, водопроводами и каналами, со всем техническим искусством и красотами, каких мир дотоле не видывал. Посмотрел царь с крыши своего дворца на город, распростершийся внизу, и сказал: *это ли не величественный Вавилон, который построил я в доме царства силою моего могущества и во славу моего величия. Еще речь сия была в устах его, как с неба раздался голос: тебе говорят, царь Навуходоносор: царство отошло от тебя! (Дан. 4, 27–28)*. И как только он произнес эти кичливые слова, Господь поразил его помешательством, и он сошел с ума и провел в безумии семь лет, как зверь среди зверей лесных. А от его великого Вавилона осталась *груда развалин, и стал он жилищем шакалов, ужасом и посмеянием, без жителей (Иер. 51, 37)*, точно, как предрекал пророк Иеремия. Всюду, где бы люди ни потеряли страх Божий и ни нарушили моральный закон Божий, тут же достижения человеческой техники превращаются в прах, из которого и были созданы.

Точно так же и Эйфелева башня, и немецкие готические соборы, и американские небоскребы – вершины человеческого мастерства в строительстве – обрушатся и превратятся в бесформенную кучу праха,

если гордость людская (к тому же еще и христианская) и противление людей Богу превысит меру и надоест долготерпеливому Творцу.

Отчего погибли столь блистательные цивилизации и ушли глубоко под землю, так что поверх них пахарь пашет ниву, не подозревая о существовании их башен и скелетов под своим плугом?

Почему от всего несравненного мраморного зодчества эллинов не осталось ничего, кроме вампирски щербатого Акрополя?

И как могла дерзнуть земля скрыть от Солнца и от взгляда людского титанические храмы в Балбеке и Египте, а также блистательные города Эгбатан, Персеполис, Тир, Сидон и Трою, где по ним теперь мирно пасутся коровы и роятся свиньи, а чабаны сооружают из разбросанных мраморных колонн загоны для скота?

Почему исчезли без следа гордые города и храмы и крепости Монтесумы, и царей мексиканских, и весьма культурных инков и перуанцев?

Чья немилосердная рука навалила горы грязи на все эти сооружения, которые по красоте, искусству и технике могли бы соревноваться с самыми выдающимися достижениями зодчества современности?

Почему прерываются, а не продолжают цивилизации человечества?

Все это потому, что не было угодно Святейшему Господу Богу. Все пропавшие цивилизации разрушило не время, не несовершенство техники, но грех против святой веры и святой этики. Несовершенство этическое, а не техническое похоронило их в бездонном мраке.

И ты Капернаум, до неба вознесшийся, до ада низвергнешься (Мф. 9, 23). Это пророчество Христа в те дни, когда Капернаум блистал своей технической культурой и был известен как величественный город на берегу Тивериадского озера, исполнилось. И так страшно исполнилось, что сегодня путешественник оказывается в пустынном месте, покрытом густым репейником, кишачим змеями, и испуганно вопрошает: «Неужели это возможно, чтобы это гнусное место некогда было обиталищем людей, и здесь высился богатый и гордый город Капернаум?»

Наша Евангельская этика постоянна и неизменна, а техника изменяется. Этика – госпожа, а техника ее служанка. Поэтому этика должна контролировать технику. Непреходящие ценности находятся в области этики, а не в технике. Тяжко народу, который видит цель человеческой жизни в технике и весь свой труд до пота жертвует ради усовершенствования техники, волоча за собой этику, как Ахилл мертвого Гектора, привязанного к колеснице. Такой народ может суметь все свои города украсить слоновой костью и золотом, подобно царским палатам

народа Израильского. Однако в их городах будут жить Ахавы и Иезавели, а последнее слово будет за псами – за псами, а не за людьми (3Цар. 22, 38).

Выбор между порядочностью и мастерством легок. Человек порядочный, но без мастерства ценится и в наше время выше, чем умелый, но не порядочный. Это справедливо и на Востоке, и на Западе, и на севере, и на юге и сегодня так же, как и во времена пророка Исаии.

Техника изменяет отношение человека к природе, но никак не к человеку и не к Богу. Кто думает по-другому, тот ценит вещи выше личности, а прах – выше, чем дух.

Жуткая трагедия нашего времени состоит в войне между людьми и Богом. Бог хочет возвысить личность человека над бессловесными тварями, а люди хотят утопить и свою, и Божью личность, фактически, приравняв их к вещам.

Многие люди, не имеющие духовного и морального опыта, создают из современной техники идола, которому поклоняются, и призывают все другие народы приносить жертвы этому идолу, что несчастные народы вынуждены делать. Сколько здесь жертв, сколько крови!

Кто глух, тот не слышит, как этика, заглушая пушки, взывает к нашему поколению: Не тем путем идете, люди! Этот путь ведет в призрачную *Землю недостижимую*, откуда нет возврата.

Третья ночь суда. Ночь со вторника на среду

В эту ночь Спас Спасович выглядел очень изнуренным, лицо его потемнело, волосы растрепались, в беспорядке падали на лоб и застилали глаза.

Председатель: Спас Спасович?

Спас: Здесь, господин полковник.

Председатель: Почему ты такой лохматый?

Спас: Причесываюсь пятерней, господин полковник. Общий смех.

Председатель: Перед нами протокол твоего допроса в Белграде. Припоминаешь, что ты тогда говорил?

Спас: Отлично помню.

Председатель: Берегись противоречий. В какой части ты тогда служил?

Спас: В отряде майора Кесеровича.

Председатель: В горах Рудника?

Спас: Нет, близ Капаоника.

Председатель: Правда ли, что ты спас жизнь одного немецкого капитана и двадцати наших солдат, которых твои люди схватили и хотели расстрелять?

Спас: Правда, господин полковник.

Председатель: Такой поступок делает тебе честь.

Спас: Это не моя заслуга, но моих сербских предков, которые пленных врагов не убивали. Я поступил так же, как они, и это все.

Председатель: Как кто, например?

Спас: Как, например, князь Милош, который взял в плен Али-пашу под Дублей. Князь не только сохранил ему жизнь, но и вернул оружие и отнятую было одежду, накормил его воинов и под охраной конвоя переправил всех их через Дрину в Боснию.

Председатель: Когда это было?

Спас: В 1815 году. Это лишь один из бесчисленных примеров. Так поступали и король Стефан Дечанский, и царь Душан шестьсот лет назад. Мы поступаем так и сегодня, хотя никто из наших противников этого рыцарского правила не придерживается.

Гестаповец скрипнул зубами.

Председатель: Правда ли, что ты помог поручику Недичу бежать из лагеря в Банице?

Спас: Я был очевидцем, как Недич перелезал через проволочное

ограждение, но ничем ему не помогал, да этому исполину и не нужна была ничья помощь.

Председатель: Когда в том же самом лагере немецкие охранники били одного коммуниста, ты кричал и на охранников, и ругал коммуниста. Как же ты, как патриот, мог ругать коммуниста?

Спас: Я, как человек, а не как патриот, ругал человека, а не коммуниста. А что касается охранников, то в свободной стране строго наказывают даже тех, кто бьет и мучает собак.

Гестаповец (в ярости): И мы, немцы, наказываем тех, кто мучает невинных животных. Однако и ты, и тот коммунист – скоты и хуже собак. Понял?

Спас: Не понял, господин оберштурмбанфюрер.

Гестаповец (грозя кулаком): Поймешь!

Председатель: В этом протоколе написано и о другой твоей дерзости. Когда комендант лагеря в Саймиште... Да, но сначала уточним. Ты из лагеря в Банице был переведен в лагерь в Саймиште, так?

Спас: Так.

Председатель: Значит, когда комендант лагеря в Саймиште приказал сербам часами, без остановки, ползать по грязи, ты подошел к нему, выразительно посмотрел в глаза и крикнул: «Вы, господин, не только враг Господа Бога и сербского народа, но враг и своего немецкого народа, если так бесчеловечно поступаете с людьми. Знайте, – сказал ты, – что из-за ваших преступлений будет жестоко страдать весь немецкий народ».

Спас: Все так и было, господин полковник. Упрек жестокий, но заслуженный.

Тут разъяренный гестаповец подскочил к Спасу и вlepил ему пощечину. Спас отшатнулся, но устоял на ногах и подставил ему другую щеку. Гестаповец ударил его и по другой щеке. Спас опять пошатнулся.

Спас (выпрямляясь): Так, теперь мы квиты!

Председатель (сердито гестаповцу): Оставьте свои методы! Я не могу больше. Допрашивайте вы, господин судья.

Первый судья: Продолжим. Когда тебя выпустили из лагеря в Саймиште, почему ты не отправился в родные края, но снова ушел в лес?

Спас: Потому что в моем родном крае было то же самое, что и в Саймиште.

Первый судья: Ты отправился в Боснию, не так ли?

Спас: Точно.

Первый судья: Там в одном селе близ Бьелине ты созвал мусульман и призывал их не помогать немцам и их приспешникам хорватам, ибо, по

твоим словам, их сила временна, а сербы вскоре снова обретут былую силу. Так ты говорил?

Спас: Так говорил тогда, так и сейчас думаю и говорю.

Первый судья: Почему же боснийские мусульмане так близки сербам?

Спас: По многим причинам. Они не национальное меньшинство, но религиозное. Но и по вере они нам ближе, чем некие христианские сектанты, и несравненно ближе всех крещеных агностиков, материалистов и атеистов.

Первый судья: В Боснии ты напал со своими людьми на немецкий военный склад и захватил продовольствие?

Спас: Однако никто не может утверждать, что бил кого-то и, тем более, убил. А продовольствие я захватил у захватчиков и вернул его хозяевам – голодным крестьянам.

Первый судья: В некоторых городах оккупированной Сербии немецкое командование приказало местным властям открыть публичные дома для немецких солдат. Ты, не имея на то никакого права, вмешался в это дело и разбросал повсюду листовки с угрозой, что убьешь каждую сербскую женщину, которая пойдет в эти бордели. Этим ты воспрепятствовал проведению санитарно-медицинских мероприятий Верховного командования. Как ты на это ответишь?

Спас: Я поступил так, как следовало поступить сербскому воину и христианину. Я придерживаюсь принципа, что никто не может продавать свое тело людям, не продав при этом свою душу дьяволу.

Первый судья: А почему это тебя так задело?

Спас: Меня это задело потому, что я свято берегу образ и честь прославленной сербской женщины – матери, сестры, девушки. Именно потому я и ушел в горы, чтобы защитить и жизнь, и правду, и образ своего народа. Окажись вы на моем месте, вы бы тоже так поступили, господин подполковник?

Первый судья: Не знаю, что бы я сделал... Однако здесь тебя допрашивают, а не меня. Ты обвиняешься еще и в том, что вместе со своими бандитами останавливал на дорогах немецкие грузовики, набитые сербскими парнями. По приказу Верховного командования всех безработных молодых людей следовало хватать и отправлять на работы в Рейх. Ты разоружал наших охранников и отпускал парней по домам. Кроме того, ты везде по селам советовал чабанам держаться подальше от дорог, чтобы не угодить в плен к немцам. Так это было? *Спас:* Совершенно верно. Я поступал так и по совести, и по приказу своего начальства. Но за это меня следует благодарить, а не судить.

Первый судья: Как это?

Спас: Тем самым я спасал честь немцев. Точно так же прежде поступали турки, которые отнимали у сербских матерей их детей и воспитывали из них янычар, веками наводящих ужас на Европу. Мне тяжело представить, что один из ведущих народов христианского мира в двадцатом веке повторяет преступление прошлых времен.

Гестаповец: Ты сравниваешь немцев с турками и думаешь, что этим ты нас унизишь. Между тем, я не считаю это унижением, потому что турки тоже господствующая раса, как и мы, немцы. Различие только в том, что сейчас турки, как господствующая раса, отступают, а немцы, как господствующая раса, наступают.

Спас: Именно поэтому некоторые наблюдатели указывали, что ваша национал-социалистическая партия, отбросив христианство, подхватила знамя Магомета, выпущенное из слабеющих турецких рук. Может быть, ваша партия провозгласит в Германии ислам государственной религией?

Гестаповец: А что ты об этом думаешь?

Спас: Я думаю, что турецкое господство принадлежит прошлому, немецкое – мигу современности, а Христово господство – будущему и вечности.

Гестаповец (гневно): С ним ты отправишься на виселицу или в сумасшедший дом!

В ту ночь со вторника на среду было расстреляно еще 25 узников из барака № 99.

Глава третья. Я и мы

От начала мира людей мучит одна проблема. Это проблема отношений «я» и «мы» и ценности того и другого. Почти все проблемы человечества сводятся к этой теме.

В начале Господь сотворил одного человека, одну личность в тварном мире. И ценность той единственной личности Творец определил словами *Да будет господин всего*, поставив человека над всем сотворенным миром. Другими словами, пусть все будет под человеком, а человек – под Богом. Этим с самого начала было определено отношение человека к Богу. От этого отношения зависели все остальные отношения человека, такие, как отношение к самому себе, к природе, к ангелам. Как отражение Личности Троиственного Божества, человек имел право с достоинством называть себя «Я». Какое счастье!

И все-таки Господь решил: *нехорошо, что человек будет один* и сотворил ему жену из его ребра с тем, чтобы двое были одна плоть. Таким образом, рядом с именем «Я» появилось имя «Мы». Две личности, но одно тело. И одно, и двое – одновременно.

Здесь начало и личности, и общества. При сотворении человеческого рода Господь навсегда решил мучительную проблему отношений «Я» и «Мы» без конфликта. «Я» Господь признал за образ и подобие Божие, а «Мы» было велено быть одной плотью. Этим было ясно подчеркнуто значение личности и значение общества.

Но как только грех нарушил отношения между человеком и Богом, сразу же нарушились и отношения людей между собой.

Да, нарушились отношения между братьями, и хотя их было тогда всего двое на всем земном шаре, одному из них стало тесно, *и напал Каин на Авеля, брата своего, и убил его*, чтобы освободиться от уз общества, чтобы лишь его личность действовала на свете, то есть быть без «Мы». И остался он без брата, но и без Бога и без истинной личности – скорее демон, нежели человек. Ибо истинную полноценную личность человека невозможно представить без Бога, своего Первообраза, и без связи с Богом.

Этот случай из первого столетия человеческой истории страшным эхом отозвался в восемнадцатом столетии в двух противоположных теориях, у Ницше и Маркса. Обе эти теории появились в Германии на немецком языке. Ницше стоял на позициях «Я» без «Мы», а Маркс на позициях «Мы» без «Я». Оба они были яростными безбожниками. В наше время корабль человечества пытается пройти между этими двумя острыми

голыми скалами.

Своеволие личности и безволие личности – вот две крайности нашего времени. И та, и другая крайность марширует, стиснув знамена. Против кого они выступают? Против человеколюбия и боголюбия, против любви. Обе эти крайности имеют одну общую отправную точку – отрицание Бога. Отвергая Бога, они тем самым отвергают и любовь, ибо исток любви в Боге. А отвергая и Бога, и любовь, они создают в душах страшный вакуум, пустоту, которая быстро заполняется адским дымом ненависти. Ненависть разлагает и индивидуума, и общество и весьма запутывает отношения между «Я» и «Мы».

Если бы ненависть могла правильно выстроить эти отношения, тогда было бы логично считать: чем больше ненависть, тем легче решение проблемы. Согласно этому, нужно было бы стараться увеличивать ненависть в мире. А это все же противно и разуму, и сердцу, и опыту людей, и, думаю, и опыту животных.

* * *

Остается, следовательно, любовь. Даже под властью ненависти люди мечтают о любви. Ибо любовь *и во тьме светит, и тьма не объяла ее*. И под темной властью ненависти любовь имеет множество сторонников. Победа любви есть и Божья победа. Ибо любовь – это не прилагательное к слову Бог, но имя Бога. Разве не сказано: *Бог есть любовь*? Поэтому любовь в вечности с победой венчана, а во времени она, прежде всего, победительница в стычке с ненавистью.

Ненависть в состоянии ставить вопросы и отражать проблемы, но никогда не решает их. Под ненавистью мы подразумеваем злорадство, зависть, мстительность, эгоизм и все остальные отравы душевные, которые, если бы превратились в микробов, заразили бы все воды в мире.

Любовь уже решила проблему «Я» и «Мы». Бог Любовь поднял единственно человека, хотя и грешного, до заоблачных высот неба, а душу человеческую превознес выше ценностей всего материального мира.

Как пастырь добрый, Он оставил 99 овец и пошел искать одну заблудшую овцу.

Как лекарь милостивый, Он лечил прокаженных, и слепых, и расслабленных, и увечных, очищал их и мыл, кормил и украшал, и ставил их в ряд найденных и спасенных. Отвергнутых и презираемых Он призывал к Себе и сажал среди первых за трапезой Своей.

Как царь могущественный, Он и мертвых считал Своими гражданами, как и живых. Давно умерших и списанных со всех человеческих счетов Он заносил в Свою Книгу живых.

Как добрый садовник, Он каждое отдельное дерево окапывал, подрезал, поливал и выпрямлял.

Как добрый зодчий, Он каждый камень отдельно тесал и шлифовал до тех пор, пока под Его рукой Мастера этот самый нестоящий и всеми другими строителями отброшенный камень не получал правильного облика и светлой окраски.

Не обращая внимания ни на благодарность, ни на неблагодарность человеческую, Он заботливо спешил каждого обратить и поправить. Он страстно желал, чтобы никто из людей не пропал в хаосе безличности.

Так Бог Любовь решил проблему «Я». А общество?

Общество, которое Он создал, является скорее организмом, чем организацией. Какая организация на свете тождественна организму тела человеческого? Он сотворил общество, которое представляет единое тело: *Да будут двое едина плоть*. Это семья Божья, составленная из малых богов с целью быть совершенными, как Отец Небесный.

Мы говорим о христианском обществе, об обществе Христовом, которое имеет истинную картину жизни и точную карту пути к своей цели. Это есть Церковь Божия, единственное рациональное общество на земле, которое постоянно говорит о рае, но и не ищет, и не обещает рая на земле.

Только в обществе-семье, а не в обществе компаньонов, в семье, где и умерших считают своими активными членами, ясно определены отношения между «Я» и «Мы». Все члены этого общества помогают друг другу только для того, чтобы их сообщество обрело большую силу и помогало бы каждому в отдельности и давало бы ему возможность возвысить свою личность до наивысших высот и красот, чтобы любой индивидуум был достойным членом бессмертной семьи Божьей в Небесном царстве.

В этом новом, всегда новом, обществе не теряется и не уменьшается ценность личности, как в обычном обществе людей, но как раз увеличивается. Общество – Церковь дает возможность каждому индивидууму развивать свои заповеданные добродетели, которые составляют ценность личности. Ибо, где еще человек может показать добродетели, если не в обществе? Где проявятся милосердие, терпение, жертвенность и, превыше всего, человеколюбие, если не в обществе своих ближних? И как еще человек дошел бы до познания самого себя в других и других в себе?

Четвертая ночь суда. Ночь со среды на четверг

В эту ночь Спас Спасович появился в полосатой как зебра арестантской робе. И щеки его были располосованы синяками и кровоподтеками, а на лбу красовались две шишки, как два почетных рога. Правая рука отекала и онемела, высовываясь из рукава, она была протянута к судьям.

Доктор Адлер взглянул на него и, устыдившись, склонил голову и спросил:

Председатель: Ты ли это, Спасович?

Спас: Да, я, господин полковник.

Председатель: Ты плохо выглядишь. Как ты себя чувствуешь?

Спас: Очень хорошо, господин полковник, благодарю. Подтверждаю слова Священного Писания, что *дух бодр, плоть же немощна*.

Председатель: Отчего ты не опускаешь руку?

Спас: Теперь она меня не слушается.

Председатель: Может, тебя нужно отправить в больницу?

Спас: Благодарю, господин полковник, но я уже вроде как в больнице. Сейчас весь мир больница, а я единственный здоровый в этой больнице.

Гестаповец: Он или сумасшедший, или симулянт. Скорее, второе.

Обвинитель: Господа судьи, капитан Спасович обвиняется в том, что активно старался объединить все сербские группы в борьбе против немцев. Много раз он пробирался в Черногорию и Македонию, чтобы напомнить черногорцам и македонцам, что и они принадлежат к сербскому народу, и агитировал черногорцев и македонцев выступать вместе с сербами. Своей агитацией ему удалось превратить горы Македонии и Черногории в военные лагеря, что принесло и приносит нашим войскам большой урон. Из этого следует логичный вывод, что именно он и есть главный зачинщик бурного веселья в бараке № 99 по поводу покушения на великого вождя Рейха.

Первый судья: Что ты можешь ответить на это, Спасович?

Спас: Я могу повторить то же самое, что уже говорил на слушании дела в Белграде. Я не отрицаю, что создавал в Черногории и Македонии партизанские отряды по заданию Сербского Верховного командования, но...

Гестаповец (перебивает с ненавистью): Какое еще Сербское Верховное командование?! Банда разбойников и авантюристов – вот твое «верховное командование»!

Спас: ...но никакой агитацией я не занимался и не учил черногорцев и македонцев становиться сербами. Наоборот, это мы в Сербии учились у черногорских поэтов и витязей вести себя, как истинные сербы. А македонцы – это те же сербы с верой, обычаями и диалектом наших древних единых сербских предков.

Первый судья: Однако вы все же три разных народа.

Спас: Мы гораздо больше единый народ, чем пруссаки и баварцы, которые называются одним именем – немцы. Ибо пруссаки и баварцы отличаются и по вере, и по языку, и по судьбе, и по мученичеству. Поэтому для нас естественно работать вместе в мирные времена и воевать вместе в военные годы. Поэтому я считаю своим долгом всех их призвать к борьбе против немцев, но не против Канта, Лессинга, Гёте и Шиллера, но против немецких преступников и их союзников, которые убивали наших людей, жгли села, грабили города, рушили церкви, бомбардировали больницы и родильные дома, насильно сгоняли на работы сербскую молодежь.

Гестаповец подал знак одному из конвоиров, и тот кулаком ударил Спаса по лицу так, что потекла кровь. Спас медленно поднял левую руку и попытался стереть кровь.

Спас (конвоиру): Если я лгу, докажи, что это ложь, а если говорю правду, то за что бьешь?

Председатель раздраженно приказал конвоиру покинуть зал суда, а Спасу велел сесть. Потом, повернувшись к гестаповцу, воскликнул: Я не понимаю, коллега, как можно наказывать кого-либо, не вынеся приговор. Немецкий Закон это запрещает.

Гестаповец: Да это не наказание, а лишь намеки на лютую смерть, которая ждет этого сербского разбойника.

Председатель: Но мы не можем знать, не доведя судебное расследование до конца, будет ли обвиняемый осужден на смерть.

Гестаповец: В этом-то вся наша беда, что вы не знаете. Между тем каждый немец должен знать закон о спасении отечества. Поэтому долг каждого немецкого патриота уничтожать на месте преступления любого, кто препятствует спасению нашей родины. И тот, кто этого не делает, – предатель.

Председатель (побледнел и резко поднялся): Предатель тот, кто не подчиняется приказу Вождя. Я получил от фюрера разрешение провести это расследование до конца недели. Вы поняли, господин оберштурмбанфюрер?

В этот момент раздался вой сирены, оповещающей об атаке

американских бомбардировщиков. Свет погас. Все судьи бросились в бомбоубежище. Перепуганный конвоир на цыпочках последовал за старшими офицерами в спасительный бункер. Спас остался один в мрачном зале суда, сидя на скамье подсудимых. Поврежденная рука сильно ныла, голова трещала от боли, но он умел гасить боль таинственным духовным деланием.

* * *

Темнота не мешала Спасу. С тех пор, как он оказался в неволе, капитан полюбил мрак и едва мог дожждаться ночи, чтобы остаться в темноте и тишине наедине со своими мыслями. Он часами сидел на своей узкой койке, предаваясь молитве и размышлениям. Своим самым близким друзьям он признавался, что ночь ему мила, как любовь матери. Мрак приносил свободу, невозможную днем, возносил над временем и пространством. Темнота скрывала тюремные стены, поглощала границы между странами и народами, границы между прошлым и будущим, прятала его тело от глаз и оставляла ему только душу, и он мог беседовать сам с собой без свидетелей. Тьма возносила его в небесные дали, откуда люди казались ему лучше, чем днем, вызывали жалость и соучастие, а соучастие украшает и людей, и всякую живую тварь под небесами. О блаженство ночи! О благословенная тишина! Не спеши, заря, не занимайся, день! Во мраке он был среди наилучших собеседников и без людей. Его самым лучшим и самым великим собеседником был Господь...

* * *

Внезапно посреди комнаты возник какой-то сгусток света. Он стал разрастаться в букет бенгальских огней, рассыпающийся искрами. Спас смотрел на это диво во все глаза. Постепенно вихрь искр стал принимать человеческий облик и превратился в элегантного господина во фраке с цилиндром на голове и сверкающей тростью в руках. Он сильно хромал на одну ногу, а лицо его было неопределенное и взгляд тупой. «Узнаешь меня, враг? – пролаял незнакомец хриплым голосом старого пса. – Я тот, от которого трепещет небесный престол, а ты пытаешься мне противиться? Я доктор над всеми докторами, я избавляю людей от здоровья, от истины, от согласия, от милосердия, от набожности и от всех других так называемых добродетелей. Я доктор всех известных наук и употребляю во зло все человеческие знания. Я управляю миром с помощью шести злоупотреблений: злоупотребление властью, злоупотребление богатством, злоупотребление красотой тела, злоупотребление искусством и злоупотребление едой и питием. С помощью этих злоупотреблений я показываю людям в своем магическом

зеркале *Землю недостижимую*, и они мчатся туда, как безумные. Но когда они думают, что уже подбежали к воротам рая, я поворачиваю зеркало обратной стороной, и они, разочаровавшись, отправляются обратно. Я делаю это, чтобы потешить мое подземное царство и подорвать авторитет небесного престола. Кто ты такой, чтобы иметь дерзновение открывать людям глаза и разглашать тайну *Земли недостижимой*?! Не Раб ли ты Того, Кто висел на Дереве и Который тем Деревом меня искалечил? О-ой! – взвизгнул элегантный господин и стал испуганно озираться и отмахиваться тростью, словно обороняясь. – Кто это бьет меня? Кто еще здесь? Ты удивляешься, откуда у меня столько докторских степеней? Да они всегда были моими. Я их не получаю, а, наоборот, награждаю ими всех тех, кто пишет диссертации и книги против Того, чей ты раб. Я подсказываю им идею и неслышно диктую, что им следует писать против Него, чтобы отомстить Ему за мое увечье и мой стыд. Это моя главная цель, а мои методы – ложь и насилие. О, если бы ты, раб Истины, знал, как сладко лгать, интриговать, оговаривать невинных, совращать девственниц, а еще слаще наблюдать насилие человека над человеком! Если бы ты, раб Милости, знал это, ты поклонился бы мне как всемогущему богу. Поклонись мне, сожги рукопись о *Земле недостижимой*, и я сделаю тебя счастливым! Я превращу тебя в султана Марокко или, если хочешь, всей Африки. Кто здесь? Что это шуршит? Знаю, тебя интересует, почему я сейчас не так часто появляюсь на людях, как бывало в старые времена, разве нет? Ха, это и есть моя хитрость. Покуда я сам открыто являлся людям, все люди знали меня, боялись и избегали меня. Теперь я придумал нечто поинтереснее. Я больше не являюсь, чтобы люди подумали, что меня нет. И действительно, в этом веке все уверены, что меня нет, что я не существую. Пока люди знали, что я существую, они любое зло мне приписывали, меня ругали и осуждали. Поэтому все были милосердны к тем, которые согрешили, и многое прощали друг другу, обвиняя во всем зле одного меня. Теперь все по-другому. Я все модернизировал. Теперь я скрыт от глаз людских, и поэтому теперь человек человека обвиняет за всякое зло, люди разучились быть милосердными и не умеют прощать. С тех пор, как я перестал являться людям, они стали ограниченными и недалёковидными, теперь они не считают меня источником зла, а обвиняют во всем один другого. И они бьются друг с другом, пытаются искоренить зло, а я, царь зла, наблюдаю за этим и наслаждаюсь. И я все глубже ухожу в подземелье, чтобы люди совсем забыли о моем существовании. Таким образом, мои дела идут все успешнее мне во славу. Мои агенты действуют в Азии и Африке, а я ударяю по Его главной

твердыне – по Европе. И вот, видишь, Его главная крепость, Его Европа в огне пожара, рушится и пропадает. Списки Его, так называемых, спасенных становятся все короче, а мое царство зла переполнено. Кто это заглядывает в окно? Кто это входит в двери? Это заговор против меня? А ты все еще веришь, что Европа выстоит? Говоришь, что в Европе народные массы идут за Ним? Знаю, но я приведу их всех в свой загон, как глупую скотину. Именно так мои верные ученые мужи называют народные массы, которых они воспитывают и перевоспитывают в духе зла по моим рецептам. По правде говоря, есть еще одна причина, по которой я должен скрываться. Те люди, что следуют за Ним, носят одно оружие, которое разит меня наповал. Это... ну ты знаешь... Его знак. О-ой! – взвизгнул опять элегантный господин и завертелся вокруг себя, отмахиваясь тростью вправо и влево, вверх и вниз. Приблизившись к Спасу на несколько шагов, он внезапно обернулся здоровенным козлом с рогами до потолка. – Посмотри на меня сейчас! – взвизгнул он. – Сейчас я козел. Я могу превратиться в любого и во что угодно – такова моя сила, не то, что Он, Который мог явиться лишь как человек, причем не как богатый господин, а как жалкий бедняк, что воняет рыбой. У Него не было ни одного диплома. Он изгнал моих младших из людей и послал их к свиньям, но за это Он должен сделать мне одну уступку. Обещал Он отдать мне всех грешников, что на Страшном суде будут с левой стороны. Он назвал их баранами. Поэтому я царь над баранами. Да я и сам больше люблю гордых козлов, чем глупых овец. Я уверен, что на Страшном Суде большинство будет на моей стороне. Предлагаю тебе выйти из числа Его овец и перейти на мою сторону. И сожги свою рукопись. Сожжешь или нет? Если нет, тогда... – В этот момент козел превратился в огромную змею и прошипел: – Тогда я тебя сейчас проглочу», – Сказав это, змея обвилась вокруг Спаса и разинула пасть.

Но тут Спас поспешил сделать знак Креста в воздухе – и змея пискнула, кольца ее ослабли, и она лопнула с громким хлопком. И все исчезло во мраке, а помещение суда наполнилось смрадом. Повисла зловещая тишина. Спаса прошиб холодный пот. Он перекрестился и стал молиться Богу, и молился долго...

Наконец пришли два конвоира и отвели его в камеру.

В ту ночь расстреляли еще 25 заключенных из барака № 99.

Глава четвертая. Свобода и еще два понятия

В древности о свободе не рассуждали. Люди считали, что быть свободными так же естественно, как и дышать.

В наши дни ни о чем так много не говорят, как о свободе.

И о здоровье люди не говорили бы, если бы не видели угрозы болезней. Свобода под угрозой, поэтому о ней так много говорят. Угроза для свободы возникла не сегодня, она была всегда и издавна, но в наши дни она наибольшая. Каким образом можно покушаться на свободу? Точно так же, как можно покушаться на чужой хлеб, на чужое имущество, на достоинство человека или народа.

Человек покушается на хлеб своего соседа, когда, отнимая у него хлеб, приумножает свой, и тогда он сыт по горло, а сосед голоден.

Так же обстоит дело и с имуществом. Когда один присваивает себе с избытком, другой остается без крова и очага. Точно так же обстоит дело и с честью, достоинством и властью.

И так же со свободой. Потеря свободы означает передачу свободы многих одному. Насколько тирания неограниченнее, настолько лично у тирана свободы больше, чем у остального народа. А когда тиран полностью неограничен, тогда он имеет полную свободу, а народ свободы не имеет вообще. Точно так же было во времена фараонов, когда фараон имел в своей личной собственности всю землю египетскую, а народ не имел ничего. А кто имеет всю собственность, тот имеет и всю свободу, и наоборот.

Такое состояние, было ли оно создано легально, было ли достигнуто произволом, народы не могли долго терпеть.

Отсюда – убийства султанов и царей, диктаторов любого наименования. Отсюда бесчисленные мятежи, революции и кровавые войны на протяжении всей истории человечества.

Демократии, как древние, так и современные, возникли как лекарство от тирании. Власть одного заменялась властью многих или всех. Исходной точкой любой демократии было желание распространить свободу на многих или на всех.

Однако и при демократии свобода для всех не гарантируется. Как стул не может устоять на одной ножке, так и свобода в одиночку не может устоять. Чтобы удержаться, нужны еще две вещи, а именно, истина и милость (собственно говоря, любовь, если бы мы смели употребить это слово нынче).

Вот эти три нераздельные понятия гарантируют стабильность, возрождают мир, увеличивают *силу* и умножают здоровье и радость.

О, как бы я хотел, чтобы на таком устойчивом стуле смогли отдохнуть и усталые измученные люди, и настрадавшиеся народы!

* * *

От чего погибла афинская демократия? Ложь и эгоизм – вот две подруги, которые всегда покушаются на свободу и от которых свобода всегда бежит в страхе.

Что постоянно угрожает свободе в наше время? Одиночество – без истины и милости. В современном демократическом обществе свобода защищена законом и записана в демократических уставах. Свобода стала понятием государственным и национальным, в то время как истина и милость остались понятиями частными, понятиями личных убеждений и личной доброй воли.

Поэтому современная демократия христианских народов, как и демократия языческая, напоминает стул с одной ножкой. Единственная разница, что, благодаря христианской вере и развитой частной инициативе, в современной демократии имеются две другие «ножки», но в этом мало толку, потому что они коротки и болтаются в воздухе. Свобода одинока. Сама она не может защитить себя ни от лжи, ни от эгоизма. Она может только на миг защититься от тирании. Но ее постоянное существование возможно лишь при отсутствии лжи и эгоизма. Ей нужны истина и милость, чтобы с помощью них обороняться от лжи и эгоизма, чтобы ее осветить и облагородить. И тогда свобода, освещенная истиной и облагороженная милостью, будет вечно мила людям и останется с людьми до тех пор, пока будет существовать человечество.

Свободу люди должны выращивать, как садовое дерево. Лишь невежды отождествляют свободу с неограниченным своеволием и безнаказанной дерзостью. Это происходит потому, что они не знают света истины и славы милости. Свобода подобна шелку, который легко грязнится, или молоку, которое быстро киснет в нечистой посуде.

Афинская свобода была нераздельно связана с почитанием богов, хотя и ложных. Свобода христианских народов не связана с почитанием Бога, хотя и истинного. Ложная вера эллинская считалась исключительной защитницей демократии эллинской. За это Сократ поплатился головой. Истинная вера христианская не признается защитницей демократии. Перикл должен был приносить жертвы фантастическим божествам Олимпа. Все же многие представители современной демократии не чувствуют обязательств по отношению к вере большинства своего народа,

а иногда даже считается передовым как можно больше презирать эти обязательства. Народная вера, вера истины и милости в христианских демократиях, пользуется только той защитой, которую имеют и многие суеверия и ложные теории.

Таким образом, Бог оскорблен, а современная свобода обеднена и повреждена без поддержки истины. Но свобода, не освещенная истиной и необлагороженная милостью, грязна и груба. Такая свобода, как и всякая святыня, мстит за себя. Свобода мстит таким образом, что бежит от общества людей, которые лишают ее истины и милости, а ее место занимает ненавистная диктатура и тирания. *Познайте истину, и истина вас освободит.* От чего освободит? Освободит от всякой лжи, лицемерия, грубости и вульгарности.

Я есть истина. Без меня ничего не можете. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Я Отец ваш, Который на небесах, а вы братья между собой.

Если бы это Откровение дошло до Демосфена, он бы по-другому защищал демократию афинскую. И если бы это дошло до эллинского философа Платона, он написал бы мудрые книги о человеческом обществе.

* * *

Без веры в Бога ни рабство невозможно вынести, ни свободу удержать. На вратах любой христианской страны следовало бы написать крупными буквами слова апостола Павла: *К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу (Гал. 5, 13).*

Следовательно, согласно христианскому учению цель свободы есть добровольное служение Богу и своим ближним, служение по любви. И рабство есть служение хозяину, но не добровольное, а по принуждению, без личного достоинства и ответственности.

Чем больше свободы, тем должно быть больше личное служение и личная ответственность. При этом душа человеческая усвершенствуется и обожается. *И Сын человеческий пришел не для того, чтобы Ему служили, но чтобы Он служил.*

К несчастью, до сегодняшнего дня свобода главным образом используется для удовлетворения желаний плоти. Но так не может долго длиться, иначе не останется свободы.

На смену нам должно прийти более интеллектуальное, сознательное и совестливое поколение, чем наше, которое будет понимать свободу как святыню, немислимую без истины и милости. Святая истина, святая свобода и святая милость – триединое целое.

Истина не ограничивает свободу, но придает ей смысл, показывает цель и хранит от порчи, а милость облагораживает для добрых дел.

Поистине, такой свободе людей будут радоваться Небеса и все будущие поколения.

Пятая ночь суда. Ночь с четверга на пятницу

В эту ночь Спаса Спасовича не ввели, но внесли в зал суда. От тяжелых побоев руки и ноги отказывались ему служить. Поэтому конвоиры внесли его в гробу. Гроб был мелкий из-за экономии дерева, в соответствии с приказом Командования. Отекшие неподвижные руки Спаса были раскинуты в стороны, и он выглядел, как распятый.

Председатель (изумленно спрашивает конвоиров): Почему вы принесли его в гробу?

Конвоир: Господин полковник, мы принесли его в гробу, потому что не нашли никаких носилок, а сам он не может идти. А гроб случайно оказался свободен, вот мы и...

Председатель (в смятении повернувшись к судьям): Господа, здесь самовольно хозяйничает какая-то таинственная рука и, используя недозволенные грубые способы, препятствует законному ходу судебного расследования. Я не могу так. Прошу вас, господа судьи, задавайте вопросы обвиняемому.

Первый судья: Жив ли ты, Спас Спасович?

Спас: И жив, и мертв, как посмотреть, господин подполковник.

Первый судья: Как это?

Спас: Просто. Я мертв как ваш раб, но жив как слуга Христа. Скоро я перешагну через смерть, как через кротовый холмик, и перейду в царство, где не знают ни о рабстве, ни о смерти.

Первый судья: Ты бредишь, капитан Спасович?

Спас: Может быть, но мой бред умнее и полезнее для всего вашего народа, чем немецкая философия Фейербаха, Маркса, Гегеля и Ницше.

Первый судья: Что же ты думаешь о нас?

Спас: Поскольку вы придерживаетесь упомянутых философов, я думаю, что вы тоже мертвецы, которых зароят в землю чуть позже меня. Только моя душа перескочит через могильный холм, а ваши души, без крыльев Господних, сорвутся с могильного холма в глубины царства сатаны.

Председатель: Довольно об этом. Разве вы не видите, что Спасович лучше вас разбирается в вопросах философии? Пусть обвинитель зачитает обвинение и свои предложения.

Обвинитель: Господа судьи, обвиняемый Спасович своими словами и действиями показал себя непримиримым врагом немецкого национал-социализма. Об этом свидетельствуют откровенные высказывания в

Белграде и здесь, в лагере, и, наконец, его рукопись, которую мы частично заслушали и в которой наш немецкий военный идеал в войне за территории назван *Землей Недостижимой*. Кроме того, узники барака № 99 называют его главным зачинщиком мятежа во время покушения на Вождя немецкого народа. Поэтому обвиняемый заслуживает смертной казни. Смягчить наказание могло бы только покаяние обвиняемого и его согласие на деле доказать готовность сотрудничать с немецкими военными и полицейскими властями в Сербии.

Первый судья: Ты слышал, Спасович?

Спас: Так же, как и вы, господин подполковник.

Первый судья: Ты все понял?

Спас: Как и мой обвинитель.

Второй судья: Ты понял, Спасович, что будешь неизбежно приговорен к смерти, если не раскаешься и не станешь сотрудничать с нами?

Спас: Все люди приговорены к смерти, и я, да и вы, господин майор. Мы называем смерть естественной, когда человека убивают микробы, и неестественной, когда роль микробов выполняют какие-то люди.

Гестаповец: Всякая наглость имеет предел! Чего вы ждете, почему не расстреляете его?

Председатель: Да разве вы не видите, что он как раз хочет, чтобы мы, немцы, взяли на себя роль микробов? А я бы не спешил это его желание исполнить.

Второй судья: Спасович, будь реалистом и не фантазируй больше. Пустыми словами ты не сможешь оправдаться и избежать смерти, но только делами можешь спасти свою жизнь. Поэтому...

Спас: Так говорится в Священном Писании, что человек спасет жизнь свою делами. Но каких дел вы ждете от меня?

Второй судья: Мы ждем, что ты покоришься нам и поможешь усмирить Сербию, подобно вашим лидерам в Белграде. Тем самым ты облегчил бы нам дальнейшее осуществление наших мировых целей. А мы достойно наградим тебя.

Спас: Я искренне уважаю тех сербских патриотов, которых вы упомянули. Я считаю, что они покорились вам не ради наживы или наслаждения изменой Родине – они подневольные рабы, как и я, – но по принуждению, пытаясь спасти хотя бы часть сербского народа, который вы и ваши союзники обрекли на верную смерть. Но это их судьба, их путь, а не мой.

Второй судья: Не будь дураком, Спасович. Люди меняются в

соответствии с ситуацией. Не упрямясь. Вспомни, что речь идет о твоей жизни. Мы от тебя многого не требуем, а предлагаем многое. Прежде всего заяви через белградские газеты, что твоя борьба с немцами – безумие, а затем призови сербов сложить оружие и покориться законным немецким властям. В этом случае мы отпустим тебя на свободу и поможем занять высокое положение на твоей родине, соответствующее твоему уму и характеру.

Спас: Другими словами, вы требуете от меня, чтобы я погубил душу, спасая тело.

Кто-то из присутствующих: Браво!

Всех охватило какое-то беспокойство. Председатель приказал нарушителю покинуть зал суда.

Второй судья: Видишь, Спасович, ты ослеп от ненависти к немцам.

Спас: Бог отцов моих и ваших Свидетель, что у меня нет ненависти к немецкому народу. Я не знаю, как это доказать на деле, но я могу отдать свою кровь любому больному немцу, которому это нужно.

Снова кто-то из присутствующих: Браво!

И снова по рядам пробежало какое-то волнение, но понять, кто это крикнул, было невозможно.

Гестаповец (сердито): Ты, ничтожество, не стоящее и тридцати грошей, отдай свою мерзкую славянскую кровь больным псам, а не немцам!

Спас: Вы дали мне высокую цену, господин оберштурмбанфюрер, по сравнению с ценой, которую дали евреи Господу моему. Вы меня переоценили, но благодарю вас...

Председатель: Вернемся к делу, господа!

Обвинитель: Господа судьи, если обвиняемый отвергает наше благородное предложение спасти его жизнь, тогда необходимо устроить очную ставку с остальными узниками барака № 99, чтобы смертный приговор имел полностью законную форму.

Председатель: Хорошо. Предлагаю завтра допросить здесь всех свидетелей. После очной ставки прочитаем последние страницы его рукописи, а потом вынесем приговор.

Гестаповец: На основе Закона о военных преступниках выражаю протест. Очная ставка ни к чему. Требую закончить судебное расследование, вынести приговор и привести его в исполнение.

Председатель: К сожалению, я должен отклонить ваше предложение. Если бы мы собирались так поступить, мы не стали бы терять столько времени на судебное расследование проступков этого человека.

Приказываю завтра вечером устроить очную ставку обвиняемого со свидетелями из того же барака.

Гестаповец: Но эта очная ставка невозможна!

Председатель: Почему невозможна?

Гестаповец: Я повторяю, что это невозможно.

Председатель: Заседание закрыто.

В ту ночь было расстреляно еще 25 узников из барака № 99.

Глава пятая. Новое состязание

Что нового, – спрашиваю себя. – Что нового на этом старом свете, Спас Спасович? Только Христос.

Все другое устарело и из-за частого обновления истерлось, как старый ремень на колесе. Еще немного, и ремень оборвался бы, и колесо мира остановилось бы, когда явился Христос.

Что появилось на свете вместе с Христом?

Новая логика, новая сила, новые горизонты, да и новые состязания.

Но насколько важно, что от основания все обновилось, настолько важно, что от основания все стало добрым – все, что пришло в мир с Ним и через Него. Ибо многое из того, что люди называют новым, не доброе. К тому же оно и не новое, а перекрашенное или перелатанное старое. Спаситель сошел с небес, чтобы обновить ветхого человека, чтобы переродить его изнутри, чтобы претворить его в нечто совсем новое, подобно тому, как Он претворил хлеб и вино в тело и кровь Свою. И еще, чтобы старое состязание во зле заменить новым состязанием в добре.

Новый человек есть начало нового человечества, и новое состязание есть начало нового общества. Ибо пока люди остаются прежними, все старо; и калейдоскоп истории показывает только новые отблески старого испорченного содержания. А именно старое испорченное содержание души человеческой принуждает людей состязаться во зле. Дирижером этого древнего состязания во зле является тот имярек, отец всякой лжи, который манит людей ложным счастьем, обещая им земной рай, а это есть не что иное, как *Земля Недостижимая*. Обманутые им завоеватели мира умирали, как преступники; богачи, как нищие; тираны, как презренные рабы; гордые сулителю счастья, как несчастные; презирающие святых, как самоубийцы, обольстители и обольстительницы, как сумасшедшие.

В чем состоит новое состязание? Если кто-то набожен и весь отдается молитве, а ты стараешься быть еще праведнее и порядочнее него, вот это и называется новым состязанием.

Или если есть кто-то смиренный и кроткий, и миролюбивый, и чист сердцем, а ты стремишься во всем этом быть ему равным или его превзойти, то разве это не состязание в добре?

Если ты милосерден и помогаешь, великодушен и прощаешь, храбр и защищаешь, тогда ты участник этого состязания святых людей.

Если ты поступаешь с людьми так, как бы ты хотел, чтобы они поступали с тобой, тогда ты среди самых достойных. Если ты воспылил

любовью ко Христу, распятому за тебя, и волен жизнь свою принести Ему в дар, как ответный подарок, и готов умереть за Него, тогда ты превзошел самого себя во времени и пространстве и обеспечил себе место среди апостолов и мучеников в бессмертном царстве небесном.

Если ты праведностью, молитвой и подражанием лучшим христианам уничтожишь в себе всякое зло, а увеличишь всякое добро в мыслях, чувствах и делах, тогда ты станешь примером нового человека и учителем новоначальных.

Если назвать дело Христово революцией, тогда это совершенно выдающаяся революция в истории мира. Ибо Вождь этой революции желал пролить Свою кровь, а не чужую, за воплощение в жизнь Своего идеала, Своего царства. Это и было засвидетельствовано на Голгофе. Тогда двенадцать миллионов ангелов были готовы избавить Его от смерти и победить Его врагов, видимых и невидимых. Это все ново для старого мира.

Александр Македонский и Цезарь, Байязит и Тамерлан, и, к сожалению, крещеные Филипп II, и Елизавета, и Фридрих, и Бонапарт, как и многие другие, создавали свои царства на чужой крови, стараясь не пролить своей. Так же пытаются поступать и некоторые нынешние диктаторы, которые, не усвоив уроков истории, стараются переиграть других во зло... Поэтому их зло и находит, и они будут записаны в синодик врагов Христа. А созданные ими царства будут вскоре опрокинуты одним мизинцем Господним. И будут они сметены с пути, по которому Христос ведет человечество, и будут превращены в развалины, как и все прежние царства, основанные на силе.

Революция Христа создала братское общество: братство новых людей, ради которых умер Христос. Идея христианского братства включает в себя и свободу, и равенство.

* * *

Давайте перевернем две-три страницы современной истории. За последних триста лет в Европе произошли две кровавые революции: французская и русская. Французская революция свою программу выразила тремя словами: свобода, равенство и братство. Следовательно, братство у нее было на последнем месте. С тех пор французская революция мучается, пытаясь осуществить лишь идею свободы, а идеи равенства и братства и не стоят еще на повестке дня.

Русская революция преуспела в осуществлении другой идеи французской революции, в равенстве, а идеи свободы и братства замолчала.

Революция равенства не только не добилась до сегодняшнего дня равенства, но поделила русский народ на три касты: пресытых, несытых и голодных, или: полноправных, малоправных и бесправных.

Почему обе эти революции, свершившиеся в христианском мире, ставили идею братства на последнее место или совсем ее презирали, как некую Золушку среди идей?

Ответ ясен. Потому, что обе эти революции были атеистические, обе отрицали существование Бога. А когда отвергается Бог, тогда нелогично говорить и о братстве людей. Где нет общего Отца, там нет и братства. Смешно было говорить людям: мы все братья, хотя не имеем единого отца!

Следовательно, где не признается единый Отец всех людей, там нет и братства. Где нет братства, там непрерывная злоба, неудовлетворенность и древнее роковое состязание во зле. Поэтому я считаю, что обе эти европейские революции начались не с того края, ставя то, что должно быть в начале, на последнее место. И когда революционеры атеисты время от времени произносили слово братство, они имели в виду не истинное братство, но братство утилитарное, подразумевая под братством объединение людей на паях, организованное по их методу. А если бы вожди революционеров обеих европейских революций поставили бы идею истинного братства на первое место, они не опозорили бы свои имена столькими злодеяниями.

Что же делать?

Нужно переставить слова и говорить так: братство, свобода и равенство. Или просто – братство, и достаточно. Ибо где есть братство, там будут и свобода, и равенство.

Но изменить последовательность этих слов нелегко. Это могло бы быть целью некой третьей революции.

Эта третья революция, по правде говоря, начата гораздо раньше двух этих европейских революций, она началась задолго до двадцатого столетия. И она еще идет и будет идти. Логика этой революции такова: Единый Отец на небесах, единое братство людей на земле, одно лишь состязание между людьми – состязание в добре.

Шестая ночь суда. Ночь с пятницы на субботу

Спаса Спасовича опять внесли в зал суда в том же гробу. Тело его было покрыто белым полотном, лицо рушником, а обе руки силой засунуты в гроб.

Председатель (кричит): Опять?! Конвоиры вытянулись как по команде *смирно*, щелкнули каблуками, но ничего не ответили.

Председатель: Снимите с его лица полотенце.

Появилось лицо осужденного, однако оно выглядело не как лицо человека, а напоминало огромный баклажан.

Председатель (покраснев от гнева и стыда): Спасович, кто тебя так избил?

Спас (едва слышимым голосом): Тот, кто презирает свою душу, но кого я не презираю, господин полковник.

Тут гестаповец сильно закашлялся.

Председатель: Поставьте перед ним микрофон, чтобы мы могли его слышать и приведите всех свидетелей из барака по списку подсудимого.

Гестаповец: Да я же вам еще вчера говорил, что это невозможно.

Председатель: Почему невозможно? Или барак № 99 переселился в Белград?

Адъютант гестаповца (вполголоса, иронично): Если не барак, то те, кто был в бараке, переселились туда, откуда их не выведут на очную ставку.

Гестаповец: Я повторяю, что это невозможно. Заканчивайте следствие и выносите приговор.

Председатель: Вот это как раз нельзя. Рядовой, пригласи ко мне начальника караула того сектора, где находится барак № 99.

Когда явился начальник караула, председатель дал ему список почти из пятидесяти узников, которых необходимо было представить на очную ставку со Спасовичем. Он мельком взглянул на список и, с изумлением, воскликнул:

Начальник караула: Это невозможно, господин полковник. Все люди из барака № 99 расстреляны, кроме троих, а четвертый Спасович. Вот этих троих могу привести. Это азиат, индеец и один американец.

Председатель побледнел, как смерть, поднялся и начал ходить из угла в угол.

Первый судья (начальнику караула): Кто приказал расстрелять их до

суда и вынесения приговора?

Начальник караула: Странно, что Вы этого не знаете. Расстреляли по приказу господина обер...

Гестаповец (в ярости грохнув кулаком по столу): Оставьте свое ханжество в минуту, когда немецкий народ находится между жизнью и смертью!

Спас: Не бойтесь, немецкий народ не погибнет. Умрут лишь те, которые уже умерли духовно.

Возглас из зала: Правильно!

Второй судья: Пусть приведут этих троих.

Вошли трое, как призраки.

Первый судья: Как тебя зовут?

Первый узник: Меджид Искандер.

Первый судья: Откуда ты родом?

Искандер: Из Кашмира.

Первый судья: Искандер, посмотри на этого человека в гробу. Знаешь его?

Искандер: Нет, никогда его не видел.

Спас: Что, брат Меджид, не узнаешь меня?

Искандер: Ты, брат Спас!? А я думал, что ты раньше всех оказался в раю!

Первый судья: Искандер, ты заявил следователю, что именно капитан Спасович подстрекал вас к мятежу, призывал поджечь барак и, перебив караульных, бежать. Повтори сейчас свои слова перед Спасовичем.

Искандер: Господин судья, мои уста умолкли бы навек, если бы я решился так оклеветать этого праведника. Великий Аллах, дай мне силы умереть прежде, чем такое сказать. В ту ночь нашего невеселого веселья именно Спас урезонивал некоторых горластых и говорил тогда, как и всегда, что нельзя радоваться чужому горю. Так нас учит и Коран.

Первый судья: Достаточно. Выслушаем второго.

Второй узник: Мое имя Параклана Халдар, из города Реджтаун, брахман, поручик британской армии.

Первый судья: Знаешь ли ты, Халдар, этого человека в гробу?

Халдар: Едва узнал его по голосу, но все-таки это капитан Спас Спасович, старшина нашего барака.

Первый судья: Халдар, ты перед следователем заявил, что в ту ночь Спасович приказал тебе отслужить парастас Адольфу Гитлеру, но ты это с негодованием отверг, что делает тебе честь, но за это Спасович ударил тебя стулом. Повтори свои слова перед Спасовичем.

Халдар: Господин судья, тот, кто эти слова записал, по всей видимости, принадлежит к низшей касте. Я уверен, что его ждет смерть на виселице. А за то, что он враг истины, он должен будет реинкарнировать еще тысячу раз в телах разных зверей, пока снова не превратится в человека, но опять из низшей касты. Это заявление вызвало усмешку у некоторых присутствующих. Многие искоса поглядывали на гестаповца и следователя.

Первый судья: Значит, Халдар, ты не будешь свидетельствовать против Спасовича?

Халдар: Если кто-нибудь решится сказать хоть одно злое слово об этом святом человеке, его душа никогда не вырвется на свободу из мирового круговорота. Мы в Индии поставили бы Спасовича в ряд великих Учителей Гуру.

Первый судья: Халдар, сколько вас сейчас в бараке № 99?

Халдар: Нас столько, сколько вы видите. С капитаном Спасовичем четверо. На прошлой неделе нас было 129.

Первый судья: А где остальные?

Халдар: Зачем вы смеетесь надо мной, господин судья? Одни с Христом, другие с Магометом, третьи с Брахмой, четвертые с Буддой.

Первый судья: Достаточно, Халдар.

Второй судья: А ты кто?

Американец: Джон Петерсон, сержант-пехотинец.

Второй судья: Ты заявил следователю, что в ту ночь Спасович приказал тебе петь американский гимн, а потом вместе с двумя товарищами пойти и убить полковника Адлера. Повтори свои показания перед Спасовичем.

Петерсон: Никакой следователь меня ни о чем не спрашивал, и я не давал никаких показаний, а тем более таких. Это подлая ложь! Однако в этом нет ничего странного, ибо здесь весь воздух отравлен ложью, как и запахом человеческой крови.

Гестаповец: Полегче, янки, ты не в Америке!

Петерсон: Поистине, не в Америке, но в темнице, а лучше сказать, в аду.

Второй судья: Значит, Петерсон, тебя никто не допрашивал о Спасовиче?

Петерсон: Никто и никогда. Только по дороге в зал суда к нам троим подошел какой-то лощеный немецкий офицер и сказал, что нас расстреляют, если мы не признаем своими те слова, что нам будут прочитаны.

Кто-то из зала: Неужели так и было?!

Второй судья: А что ты думаешь о Спасовиче?

Петерсон: Спасович – самый лучший христианин из тех, кого я знаю.

Гестаповец (иронически): Для него это не очень-то лестная рекомендация!

Петерсон: Для вас, может, и нет, но для меня хорошая.

Гестаповец: Заткнись, раб!

Петерсон: Заткнись сам! Я американец и свободен даже в оковах, а ты раб, хоть имеешь силу и власть. Если бы ты сидел у ног Спасовича, как и я, и учился бы у него быть человеком, ты не навлек бы на себя кровь сотен невинных людей.

Гестаповец бросился к Петерсону, но председатель оттолкнул его. Искандер поспешил к Спасу в гробу и поцеловал его распухшую посиневшую щеку. Двое других хотели сделать то же самое, но конвоиры не пустили их.

Спас: Благодарю вас, братья. Меджид, Паракрана и Джон, до свидания в мире света и свободы.

Глаза всех троих узников наполнились слезами, а Паракрана запричитал в голос.

Председатель: Спасович, как ты себя чувствуешь?

Спас: Как Господь Бог в Великую Субботу.

Председатель: По немецким законам тебе нужно было бы предоставить сейчас последнее слово. Лучше завтра вечером. Ты будешь в состоянии говорить, Спасович?

Спас: Буду, господин полковник. Верую, что меня воскресит Тот, Кому радость воскрешать мертвых, как Его врагам убивать живых.

Глава шестая. Великая догма

Неразумность погубит нас, Господи Боже наш. От неразумности нашей нива Твоя зарастает сорняками, и семена Твои в опасности удушения. Поспеши, Господи, и спаси посев Свой, пока не возобладали сорняки.

Чем больше знают сыны человеческие, чем меньше они разумеют. Они переполнены знаниями о глубинах морских и высотах небесных, однако наряду с увеличением количества знания растет и непонимание. Еще немного, и они будут все знать, но ничего не понимать. И меньше всего будут понимать Тебя и себя.

Отрекшись от Тебя, Верховного Разума, они с гордостью и злобой двинулись на познание дел Твоих.

Из-за их надменности и злобы Ты устранился с их пути, так что нигде во вселенной они не могут Тебя встретить. Но если они не встречают Тебя, они сталкиваются с архиврагом Твоим, ловко занявшим место, которое Ты оставил.

«Вкусите, люди, с древа добра и зла! – шепчет им архипротивник Твой. – Мешайте добро со злом. Ни одна еда не вкусна, пока со злом не смешана. Помешайте добро со злом и станете богами!» – Так учит их архипротивник Твой.

Развелись они с Твоим разумом и не понимают, что ложка зла отравляет бочку добра. Ибо отраву есть отраву, не важно, принимают ли ее всухую или выпив бочку отравленной воды. В обоих случаях они отравятся и умрут. И кто вернет их к жизни кроме Тебя, Господина жизни?

Дух обмана вселился в сынов царства, и они, как пьяные, валятся направо и налево. Все – однорукие!

Они богаты знаниями о вещах и фактах, но от них ускользнуло познание истины. Из-за этого они ткуют без основы, как плетет паук свою паутину на ветру.

А духу обмана это доставляет радость, как и всякая глупость, беспорядок и хаос. Приблизься, Господи, и настигни тех, что бегут от Тебя. Вразуми их, пока они не сотворили хаос в себе и вне себя, во всем мире.

Обессилевшие души христианские ищут религию без догмы. Они предпочитают мелководье у своих ног, где легко видится дно, и мелкие рыбешки, и жабы и змеи на дне. Они страшатся глубин озерных, а еще больше глубин Божьих. Они забыли слово Господне рыбакам: *Идите в*

глубины!

Как это случилось, что материалисты и безбожники предписывают свои догмы, что крепче стали, а псевдохристиане не придерживаются божественных догм своей веры?

Они говорят: догмы эти тяжелы, непонятны и непрактичны! Как будто Бог должен управлять по разуму человеческому, мелочному и огрубевшему, а нелюди – по разуму Божьему, согласно Логосу, Логике Небесной.

Они жалуются: какое практическое значение имеет, например, догмат о Триединстве Святой Троицы?

В христианстве нет ни одного догмата, который не имел бы практического значения и не применялся бы в жизни. Без догмата о Триединстве Святой Троицы все человеческие теории в области психологии, педагогики и социологии ошибочны. Все эти науки Христос обновил явлением догмата о Пресвятой Троице.

О Триединстве Бога свидетельствует и небо, и земля, утверждал евангелист Иоанн Богослов.

На небесах: Отец, Сын и Дух Святой – единый Бог; на земле, в душе человеческой: разум, сердце и воля – единый человек.

Три этих силы, или способности душевные, содержат в себе суть души человека: силу мысли, силу чувства и силу деятельную. Если все эти три силы одинаково и гармонично развиты, тогда душа человека троична и едина, подобно Триединному Богу на небесах. В этом случае человек действительно будет образом Божиим, живой микроскопической картиной Бога на земле. И в таком человеке пребывает мир, сила и радость.

Но если одна из сил душевных развита несоразмерно с двумя другими, тогда душа троична, но не едина, а поделена на части, дисгармонична, не имеет в себе мира, силы и радости. Она ищет нечто, но не знает, чего ищет. Фактически, она ищет себя, свою цельность, свою полноту. Поэтому души первого рода цельные, а второго – фрагментарные. Первые души есть образ и подобие Триединой Святой Троицы, а вторые – образ и подобие Троичного Божества без единства, вроде индийского божества Тримурти, где Брахма – создатель мира, Вишну – хранитель, а Шива – разрушитель, или египетской Троицы, где Осирис, Изис и Хорус пребывают в вечной кровавой распре. Если боги таковы, то каковы же тогда люди?! Это Троица, но не Триединая. Это Троица, но не Святая. Война в душе гонит на войну с людьми. Это разбитое зеркало, в котором Святой и Троичный Бог не может увидеть отражение Своего лика. Это музыка, но не симфония, а джаз.

Кто разрушает Святую Троицу своей души?

Это интеллеktуал, который весь в напряженных мыслях, но с притупленными чувствами и захиревшей волей. Однако и мысли его ошибочны, потому что не орошены любовью и не оправданы стремлением к добрым делам.

Кто разрушает Святую Троицу в себе? Это сентиментальный человек, который целиком охвачен чувствами, но люди о нем говорят, что он чувствителен без меры, но не имеет ни разума, ни воли. Кто еще разрушает Святую Троицу в себе?

Это человек сверхактивный, по характеру боксер, гладиатор, который охвачен целиком сильно развитой волей, но без чувств, без сострадания, без ясного света разума.

В Святой Троице все свято: Святой Отец, Святой Сын и Святой Дух. Следовательно, и в троичной душе человеческой все должно быть свято: святой ум, святое сердце и святая воля. Отсюда следует, что в человеческом обществе должна быть святая любовь, святой брак, святая семья, святая дружба, святой народ.

Когда сыны человеческие начнут воспитывать свои души и строить свое общество на примере верховного догмата о Троицестве Святой Троицы? Смотрите, воспитывать на древнем языке своего народа означает хранить и питать. Когда же они начнут питать души свои Святой Троицей?

Эту милую и сокровенную тайну Божественного бытия открыл своим верным последователям Сын Божий. Он разметал бисер перед – людьми, чтобы откровением этой тайны объяснить людям сущность истинного Бога и нормального человека.

Когда же и мы начнем принимать образ Божий? Но ведь уже многие начали. Это все Святители Божии. Это те, которые Святым Духом очистились, святой любовью окалились, святыми делами украсились и стали живыми храмами Бога и обиталищами Святой Троицы. Не называют ли их так в древних книгах? И не таким ли обещано вечное Царство, но не в *Земле Недостижимой*, а в Небесном Царстве Христовом.

Люди-звери, в душах которых нет единства Троицы, цари «ни по милости Божией, ни по воле народной», ведут и всегда будут вести войну против Святой Троицы. Однако сказано в пророчестве, что *потом примут царство святые Всевышнего и будут владеть царством вовек и вовеки веков*. И еще раз повторено: *царство, и власть, и величие царственное во всей поднебесной дано будет народу святых Всевышнего, Которого царство – царство вечное, и все властители будут служить и повиноваться Ему (Дан. 7, 18, 27)*.

Вопреки всем бурям и шквалам это царство невидимое растет и только растет, и во время мира, и во время войн. И силу этого царства не могут одолеть ни люди, ни ад. Ибо существует только Его царство, а *Земля Недостижимая* – лишь призрак.

Молитвы капитана Спаса Спасовича

Огради нас, Господи, от безбожников. Сотвори стены из ангелов Твоих между ними и нами, как некогда Ты сотворил стены из вод Красного моря. Отовсюду окружили нас и хотят потопить нас в смерти, ибо желают, чтобы нас не стало.

Они смеются над Тобой, разве Ты не слышишь? Они издеваются над нами из-за Тебя, разве Ты не видишь?

Они пьяны от запаха крови человеческой и радуются слезам сирот.

Вопли мучеников звучат песнями для них, а писк раздавленных детей – сладкая музыка.

Они отнимают хлеб у сынов Твоих и бросают его своим псам.

Когда они выкалывают глаза людям, гиены в ужасе разбегаются, бормоча про себя: мы этого не знаем.

Когда они сдирают кожу с живых, волки воют: мы этого не умеем.

Когда они отрывают груди у матерей, псы лают: мы этому только теперь у людей учимся.

Когда они священников осыпают горящими угольями, змеи шипят: мы просто невежды в науке о мучениях.

Когда они попирают Твой крещеный народ, дикие вепри хрюкают: ничьи посева мы так не топчем.

Когда они поливают смолой девственниц и сжигают их, Нерон им сквозь смех кричит из ада: идите ко мне, побратимы!

Из их глаз брызжет огонь, уста изрыгают мерзость, ноздри извергают пакость. Смерть проросла сквозь их сердце и охватила их души, а жизнь отвратила свои живительные воды от них.

Спаси нас, Господи, от безбожников, а от диких зверей мы сами спасемся.

Избавь нас от людей бездушных, а от бездушных камней мы сами легко уклонимся.

Душа безбожника мертва, как гнилой плод в материнской утробе.

Огради нас от врагов Твоих и наших, закрой нас высокими стенами от земли до неба из крыльев ангелов Твоих.

Мы скрываем свои слезы от людей, чтобы они не смеялись над нами, и таим свои вздохи, чтобы они не издевались над нами.

Однако мы плачем и воздыхаем пред Тобой, ведь Ты все видишь и праведно судишь.

Господи, защити нас, спаси люди Твоя ради имени Твоего и славы

Твоей. Аминь.

Склонитесь, звезды, отворись небо, вселенная поднебесная, поклонись Творцу. Воссияйте светом, серафимы блистающие, и громыните громом, херувимы грозные.

Пусть восстанет в своем величии все ангельское воинство, и все силы ангельские пусть повернутся ликами ко Престолу славы, любви и силы и воспоют песню Творцу:

О Всемогущий и Всеславный Боже, Господь всех святых, плотских и бесплотных сил! Над Тобой нет никого, на кого Ты мог бы смотреть, так посмотри на тех, что стоят под Тобой, в прахе земном, в брэнном теле, посмотри, услышь, смилуйся и спаси их.

Укрепи их, Боже, чтобы они вытерпели муки, чтобы выдержали муки и удержали веру.

Да будут достойные воспевать с нами хором Трисвятое и Тебя величать. Аминь.

Седьмая ночь суда. Ночь с субботы на воскресенье

Около полуночи, после долгих препирательств, доктор Адлер приказал внести Спаса Спасовича в зал суда.

Вскоре появились конвойные и ввели его, а не внесли, ибо Спас Спасович больше не напоминал непогребенную мумию в гробу, но совершенно изменился. Был он прям, как копье, на просветленном лице сияли глаза. От синяков и отеков не осталось и следа за исключением нескольких шрамов, как у студентов, которые увлекаются фехтованием. Он вошел широким шагом, полный собственного достоинства и, когда остановился посреди зала, больше напоминал судью, чем подсудимого.

Все присутствующие изумленно и недоверчиво взирали на него. Одни шептали: «Это он!», а другие: «Не он!» Один капитан, до тех пор скрывавший свои христианские убеждения страха ради перед нацистами, отвернулся в сторону, перекрестился и воскликнул: «Это и в самом деле он, и это чудо Божие!»

Председатель первым пришел в себя и открыл заседание суда.

Председатель: Ты ли это, Спасович?

Спас: Конечно я, господин полковник.

Председатель: Ты больше не болен?

Спас: Ничуть. Я сейчас здоров более чем когда-либо.

Председатель: Что же произошло, если ты так быстро преобразился?

Спас: Я воскрес, господин полковник. Я был мертв, а теперь ожил. Спаситель вернул мне жизнь. Сегодня утром, на рассвете, Он пришел к моему гробу, коснулся моего лба и воззвал: «Спас, встань и иди здоров и весел!»

Услышав это, двое офицеров, старше других по возрасту, подскочили от страха и бросились к выходу. Кто-то вскрикнул: «Это призрак, а не человек!» Наступила мертвая тишина. Председатель: По законам Рейха тебе предоставляется последнее слово. Можешь приводить любые доводы в свою защиту.

Спас: Я никогда не защищал сам себя, но только защищал истину, а истина защищала меня.

Председатель (дрожащим голосом): И все-таки ты можешь говорить все, что хочешь, в свой последний час, капитан Спасович.

Последнее слово Спаса Спасовича

Господа судьи! Если меня вызвали, чтобы я защищал самого себя, я буду молчать, но если меня позвали защищать истину, тогда я буду говорить.

Господин полковник позволил мне сказать все, что я посчитаю нужным, и я буду защищать истину, ибо самое большое достоинство человека в момент жизни на земле состоит в познании истины, свидетельстве об истине и в защите истины.

Познать истину означает то же самое, что и познать Бога, Который и есть живая истина. Славянское слово *истина* это не только имя, но и выражение существенной особенности истины, состоящей в том, что истина всегда истинна, всегда отражает действительность, всегда подлинна и неизменна. Согласно этому, Истина и Бог есть два имени одной и той же сущности. Именно поэтому Тот, Который объявил истину, мог сказать о себе: *Я есмь истина*, или, говоря другими словами, *Я есть Бог*.

Кроме того, Тот, Который объявил истину, заявил людям, что они ничего не смогут делать без Него, то есть без истины, сказав: *Без Меня не сможете ничего сделать*.

Наконец, Он напомнил людям, чтобы они не погрешили против живой истины, то есть против Него самого, чтобы не споткнулись бы о Камень, который сделался *главою угла*, говоря со страшной угрозой: *Тот, кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит (Мф. 21, 44)*.

Ваши германские предки, как и наши славянские, приняли эти слова истины с радостью и страхом подобно строителям, которые долго и напрасно строили на песке и вдруг нашли живой камень и начали радостно возводить здания на нем. Я сказал *строить радостно*, но и осторожно, и со страхом, чтобы не упасть на тот Камень или чтобы Он не упал на них, ибо Он страшно велик и могуч, и преодолагает любую силу человеческую.

Однако вы, ваше поколение, смеялись над «наивностью» ваших крестоносных предков, отвергли этот Камень, как и евреи отвергли его в начале. И хотя вы евреев теперь изгоняете, в отношении того великого Камня вы с ними единомышленники. Отвергнув Камень, что кладут во главу угла, вы начали созидать на песке древних тевтонских басен и грубой римской культуры. Целью своего созидания вы взяли подземную

Валгаллу, обителище душ убитых в бою воинов, вместо небесного Рая, а вождем сделали Кесаря вместо Христа. Вы провозгласили реальностью сны и фантазии, а реальность Бога назвали фантазией. И с такими якобы новыми понятиями, которые фактически были извлечены из старых тевтонских гробниц и римских развалин, вы повели немецкий народ на поиски *Земли Недостижимой*, то есть в бой за созидание рая на земле за счет расширения своих территорий, порабощения или истребления остальных народов.

В число порабощенных народов, предназначенных к истреблению, входит и мой народ. Я не настолько обожаю свой народ, чтобы быть слепым и не видеть его грехов и недостатков. Но в тот миг, когда кто-то смертельно страдает, бесчеловечно говорить о его недостатках и грехах. А мой народ сейчас страдает смертельно. Даже римские воины, Пилат и его сотник голгофских стражников имели похвальные слова для Великого Страдальца.

Сербский народ никогда не знал много, однако всегда знал главное, то, что человека делает человеком и христианина христианином. И грамотные, и неграмотные знали главное. С тех самых пор, когда мой народ принял крещение и начертал крест на своем знамени, он видел в личности Христа истину, а отражение той истины – в личностях Святителей, витязях веры и мучениках за веру, которых народ после их смерти радостно прославлял как живых и бессмертных. Народ прославлял их как знатоков истины, свидетелей истины и защитников истины.

Именно такую Истину, в Личности и в личностях, сербский народ понял и принял как подлинную и единственную истину. Ею он жил, ею он крепился и лечился, о ней перед миром свидетельствовал словом и поведением, ее украшал дивными храмами, символическими обычаями, ее воспевал, пред ней плакал, за нее боролся, за нее умирал. Об этом свидетельствуют и ваши немецкие историки, путешественники и художники. Благодаря такому пониманию истины, сербский народ научился ценить личность человека несравненно выше, чем вещи, то есть выше, чем обладание какой-либо собственностью или какими-либо материальными ценностями. Отсюда, не богач, не ученый, не властитель, но Святой есть идеал сербского народа. Несмотря на то, что мы на Балканах застали эллинскую культуру, более значительную и прекрасную, чем римская культура, которая соблазнила вас, мы эту высокую эллинскую культуру считали ничтожной по отношению к истине Христа. Мы не хвастались и своей христианской культурой, ибо считали все дела рук человеческих преходящим прахом по сравнению с величием

Божественной истины, личного достоинства человека и человеческого характера.

И вот на такой народ, господа, неожиданно напала немецкая армия со своей необузданной богиней мщения и кары, фурией Нибелунгов, рыцарей-язычников. Во имя кого и чего? Во имя ли культуры? Разве не стыдно вашему великому народу с открытыми глазами идти за слепой культурой, которая поносит Бога и ублажает желудок? Из-за чего? Только из-за того, что сербский народ не мог допустить продвижения по своей земле немецких войск против греков, своих единоверных братьев, чью землю он использовал в Первую Мировую войну, чтобы изгнать вас со своей земли и освободить отчизну.

Еще и из-за верности вашим старым противникам, которые помогли нам выстоять против вашего нападения в той Первой войне. Кое-кто из немецких следователей в Белграде спрашивал нас: «А вы, сербы, уверены, что вас ваши союзники не предадут?» На это я тогда ответил, что это не наша забота, а наших союзников. Если предадут, они предадут свою душу, а не нашу.

Вы с правом гордитесь «старой немецкой верностью» своим союзникам. И я бы первый похвалил эту черту характера вашего народа, если бы нынешний союз имел бы благородную цель, а не *Землю Недостижимую*.

Но если вы похваляетесь «старой немецкой преданностью», почему же осуждаете сербов за их известную всем преданность? И если вы нас так бьете за добродетели, как же вы нас били бы за пороки?

В первые дни немецкого вторжения на нашу страну весь сербский народ сокрушенно говорил: Это Бог наказывает нас за грехи наши! Однако когда вы, вскоре после оккупации страны нашей, начали проливать сербскую кровь ручьями, а союзники ваши реками, весь народ наш шептал о вас и ваших союзниках: «Пропали! Захлебнутся они сербской кровью!» Этот шепот слышен и сегодня по сербским селам, раздаётся в сербских лесах, и будет громче, чем больше ваши карательные отряды будут рушить, топтать и уничтожать нашу бедноту и их жалкое имущество.

К пролитой на сербской земле крови вы в эти дни добавили и кровь этих невинных людей из моего барака. Этим вы превысили всякую меру – и Божескую, и человеческую, и зверскую.

Поэтому, чего вы можете ожидать, кроме наказания Божьего? Вы напали на Истину, и Истина отомстит за Себя и за своих. Вы упали на тот страшный Камень и разобьётесь об Него, как стекло.

Я говорю вам пред небом и землей: если вы немедленно не покаетесь

и не перестанете уничтожать мой народ и другие народы, с вами случится самое страшное: этот грозный Камень упадет на вас и раздавит вас. И вам не поможет ни ваша физическая сила, ни культура, ни полная телега знаний о вещах, но без понимания истины.

Вы обманули сами себя и вас обманули. Обманули вас те, которые представили вам Христа как слабака и слюнтяя. Читая Евангелие о милости Христа и о Его любви, они пропустили его грозные слова об этом страшном Камне – Который есть Он Сам, – а от этих слов стынет кровь в жилах. Кто нападет на Христа, тот разобьется, а на кого Он нападет, того раздавит. Он угрожает карой за неверность в любви и презрение к милости. Он есть огонь, который греет, но может и сжечь.

Я знаю, что меня ожидает. Вы наказываете и за острые взгляды, а тем более за острые речи. Меня ожидает то, что вы называете смертью, а я – новой жизнью. Я знаю, что с места поединка за Истину я иду в объятия Истины. Я отправляюсь в единственное вечное Царство, которое реально в отличие от призрачной *Земли Недостижимой*. В это царство двадцать столетий назад первым вступил раскаявшийся разбойник с Голгофы (какой дивный урок для вас!), а сегодня это царство стало многолюднее всех царств земных. В этом огромном царстве есть и Небесная Сербия, и она гораздо сильнее Германии. Там пребывают сербские святые, мученики и праведники. Население Небесной Сербии в наше время увеличилось более чем на миллион сербских жертв, которых вы с вашими незавидными союзниками преступно изгнали с этого света. Вы их гоните, а Господь и принимает, чтобы они стали вашими судьями в определенный срок.

Знаю, то, что я говорю, с точки зрения вашей философии – безумие, как и то, что ваши философии – безумие пред Богом. Господь покарал безумием вашего последнего философа (Ницше), чтобы образумить вас, а вы приняли его за своего вдохновителя и учителя в этой войне.

Вы, господа, скоро сокрушите мою телесную оболочку, что отнюдь не геройство, но душа моя отлетит к вечной радости. Однако вечная моя радость все же омрачена вашим отношением к Истине, отношением немецкого народа к Истине. Ибо немецкий народ находится в центре христианского Запада, и народ этот многочислен, силен и предприимчив. Находясь в центре, он всегда будет иметь возможность или, будучи сам отравлен, отравить весь мир, или, будучи сам излечен, излечить всех.

Когда по милости Спасителя моего предстану пред ликом Его, я буду молиться не только за свой крестоносный народ, но и за народ немецкий, чтобы Он вас преобразил, воскресил и спас.

Спаситель мой, господа судьи, воскресил меня из мертвых только для

того, чтобы я вам это все сказал. А теперь, пожалуйста, вершите либо волю Божию, либо волю вашу, как вам будет угодно.

* * *

Закончив свое последнее слово, Спас Спасович поклонился судьям и выпрямился, как победитель, который выиграл битву. Лицо его озарилось необычным сиянием, как некогда воссиял лик архидиакона Стефана. Его существо переполнило все помещение суда, и казалось, будто только он один здесь, а все остальное – лишь его тень. Своими ясными очами он словно прожектором высвечивал лица судей, которые, потупив взгляд, один за другим склоняли головы к земле.

Приговор

После того, как Спаса вывели из зала, между судьями вспыхнул желчный спор о виновности обвиняемого. Председатель и двое судей считали, что Спасович не виновен в том деле, за которое его привлекли к ответственности, и его необходимо освободить. А гестаповец, судебный обвинитель и адъютанты (которые фактически не имели права голоса) тряслись от злобы и громогласно, заглушая всех, требовали смертного приговора. Спор перешел в ссору, затянувшуюся до рассвета. И уже когда рассвело, когда завывала сирена воздушного налета американской авиации, был вынесен приговор, которым обвиняемый Спас Спасович был признан невиновным, но вместе с тем был перемещен в другой концентрационный лагерь сербских узников.

Развязка

В тот самый день доктор Адлер был вызван в Берлин. Там он внезапно умер неизвестно от чего. Перед смертью он успел передать своей жене некий бумажный сверток. В том свертке был и протокол судебного заседания по делу Спаса Спасовича. Он сказал своей супруге: «Здесь правда о самом дорогом человеке, которого я имел счастье встретить в своей жизни». Это его подлинные слова. Господин Адлер распорядился передать этот протокол после завершения войны какому-либо сербу, другу Спаса.

Но как бы то ни было, известно, что ни смерть, ни люди не имеют власти над Спасом Спасовичем.

Дальнейшая судьба капитана Спаса Спасовича покрыта тайной. Некоторые утверждали, что его *убил* тот самый свирепый гестаповец; другие говорили, что он дожил до 1945 года и вернулся в горы Сербии, чтобы продолжить борьбу за свободу своего народа. Однако есть мнение, что он принял постриг и, как монах, живет в каком-то монастыре.

Но как бы то ни было, известно, что ни смерть, ни люди не имеют власти над Спасом Спасовичем.

Содержание

Земля Недостижимая	1
Пролог. Опасное веселье в бараке № 99	2
Первая ночь суда. Ночь с воскресенья на понедельник	4
Глава первая. Путники, странники и гости	7
Вторая ночь суда. Ночь с понедельника на вторник	10
Глава вторая. Этика и техника	15
Третья ночь суда. Ночь со вторника на среду	19
Глава третья. Я и мы	23
Четвертая ночь суда. Ночь со среды на четверг	26
Глава четвертая. Свобода и еще два понятия	31
Пятая ночь суда. Ночь с четверга на пятницу	35
Глава пятая. Новое состязание	39
Шестая ночь суда. Ночь с пятницы на субботу	42
Глава шестая. Великая догма	46
Молитвы капитана Спаса Спасовича	50
Седьмая ночь суда. Ночь с субботы на воскресенье	52
Последнее слово Спаса Спасовича	53
Приговор	58
Развязка	59